

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №10-11 (17-18), ноябрь-декабрь 2012 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>
Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

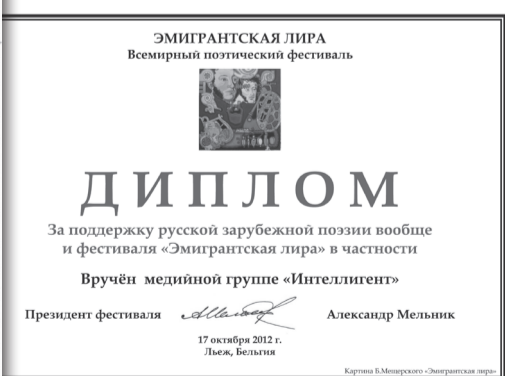
Письмо в редакцию

Когда познакомишься с русской коллекцией Библиотеки Конгресса США, как и с тем, что на полках в других крупных публичных библиотеках страны, невольно возникает один и тот же вопрос: А по какому принципу отбирались все эти издания? Как гласит древняя китайская поговорка: трудно найти чёрную кошку в тёмной комнате – особенно, если её там нет. Самое прискорбное состоит в том, что на подобный вопрос нужно найти ответ тем, кто обеспечивает продвижение русского языка и культуры в Америке, а самое радостное, пожалуй, заключается в искреннем желании сотрудников библиотек восстановить всю полноту русской литературной картины, а она, замечу, исключительно причудлива и своеобразна.

Опираясь, в частности, на это радостное наблюдение, нам хотелось бы предоставить широкому американскому русскоязычному читателю возможность ознакомиться с изданиями Интеллигента, как с периодикой, являющейся отражением современной российской мысли, исходящей не от цензоров-критиков и псевдо-элитарных литературоведов, а от обычных российских граждан – будь-то из Москвы, из Санкт-Петербурга, из российской глубинки или даже из Нью-Йорка. Тут уместно было бы вспомнить некоторые общепринятые международные правила и обратиться при этом к совершенно сногшибательной (для русского человека) статистике: Итак, во-первых, если кто-то хочет, чтобы издание воспринималось как легитимное, серьёзное и вполне внушающее доверие, он должен послать два экземпляра в Библиотеку Конгресса США. Кто и когда это придумал – не мне судить, но мы, все, должны это помнить. Во-вторых, сегодня в каталоге русских литературных журналов Библиотеки Конгресса значатся лишь 37 наименований, где в качестве «серьёзных-легитимных» русских журналов признаётся «Лампа и Дымоход», альманах «Истоки» (не путать с популярным сибирским журналом «Истоки» Сергея Прохорова) и ряд других не выпускающихся изданий (!!!). Имея честь влиять на литературные вкусы русскоязычной аудитории США, мне бы очень хотелось, чтобы и Ваши журналы стали здесь доступными, и я искренне рад, что сотрудники Библиотеки Конгресса выражают свою полную поддержку этой идее.

Профессор,
Доктор Сергей ГОРА

P.S. Издания медийной группы «Интеллигент» поступают в различные библиотеки мира, в том числе в англоязычные страны: Австралия, город Сидней и в Оксфордскую библиотеку Англии.

Интеллигент в Херсоне

*Поэт эпохи динозавров
Я – нефть. Я выжил. Я не сгнил
среди поклонников и лавров.
Пройдя сквозь тысячи горнил,
я стал живучее чернил –
поэт эпохи динозавров (...)*
Наталья Крофтс

Читатели вырастают, находят свой жизненный путь, разлетаются по свету. А нам, библиотекарям, остается только следить за их творческим развитием и ждать новых интересных встреч. Так, очередная встреча с бывшей нашей читательницей, а теперь известной поэтессой Натальей Крофтс – уроженкой Херсона, проживающей в г. Сиднее (Австралия) – оставила неизгладимое впечатление в сердцах присутствующих.

«Поэт-непоседа», как написала о Наталье одна из нью-йоркских газет, привезла в родной город свой новый сборник стихов «Поэт эпохи динозавров» (Таганрог, 2012). Это взгляд на мир человека, побывавшего в пятидесяти странах, жившего на четырех континентах, но сохранившего любовь к родному слову. В этой книге зарисовки с острова Занзибара, из Иордании и Австралии соседствуют с пронзительными стихами о родных местах поэта на юге Украины. Глубокое знание античных цивилизаций автором, преподававшим древнегреческий язык в Оксфордском университете, сплетено с лучшими традициями русской поэзии: автор продолжает духовный поиск М. Цветаевой и Ю. Левитанского. В общем, этот сборник – путешествие сквозь пространство, время, разные культуры и мировоззрения.

Кроме того, Наталья, являясь главным редактором литературной газеты «Интеллигент. СПб» (Россия), презентовала в подарок нашей библиотеке очередную подборку данного издания. На его страницах активно представлено творчество членов херсонской группы «ТОН Ключ»: Ю. Топунова, С. Зубарева, В. Савельева, Л. Ивченко и др.

Ознакомиться с данными газетами можно в зале новых поступлений.

Надо сказать, что первая презентация литературной газеты «Интеллигент» прошла именно в стенах нашей библиотеки в мае 2011 года. Провели её Ю. Топунов, Н. Крофтс и Р. Домбровская – и с тех пор Херсон постоянно знакомится с новыми выпусками данного издания. Этот факт и то, что Юрий Топунов активно представляет в данной газете свою творческую группу «ТОН Ключ», не могло остаться незамеченным организаторами проекта «Интеллигент». И как результат, по итогам конкурса «Герой нашего времени» в номинации «Активный участник международного медийного проекта «Интеллигент» почетное место занял наш земляк – Юрий Топунов – за продвижение Херсона на мировой культурной арене.

Мы поздравляем Юрия Викторовича и желаем новых вершин и ему, и всем участникам творческого объединения ТОН «Ключ». И, конечно же, ждем их всех в гости с новыми творческими отчетами.

Руслана ДОМБРОВСКАЯ
Библиотека г. Херсона

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Семейный архив Юлия Кима

Два дома – две страны и двоюродный дядюшка

- Вы живёте час времени в России, а часть – в Израиле?

- Да. Так случилось в моей жизни по некоторым, весьма трагическим, обстоятельствам. Я переехал в Израиль на полтора года, это было связано с болезнью, а затем кончиной моей первой жены, а затем и с моей болезнью. Я там непрерывно провёл около двух лет. Естественно, это было возможно только при наличии гражданства. Я получил это гражданство, о чём совершенно не жалею. Меня и раньше интересовали и волновали события, связанные с этой страной. В первую очередь потому, что там проживает довольно много моих друзей и приятелей. Но не только поэтому. Для меня это была крайне интересная страна. Я, правда, всерьёз не подумывал о том, чтобы туда переехать на постоянное место жительства, но судьба распорядилась так, что это произошло. И теперь у меня два паспорта.

Россия – это родная страна. Она для меня – мать, а Израиль – это двоюродный, но дядюшка. Тоже родной, тоже по-своему любимый, хотя наши отношения не насчитывают и двух десятков лет.

- Говорят, Вы придумали фееричное празднование Нового Года в Израиле?

- Да! У нас традиция: Новый год встречаем в иерусалимском доме Губермана уже на протяжении многих лет. Он выступает в роли Деда Мороза, а я – Снегурочки.

Игорь где-то достал для меня рыжие косы, которые я смущённо перебираю руками. Натягивает мне спереди два каких-то полушария вместо груди. Сам цепляет бороду и старается басить, что при его фальцете непросто.

«Для меня главное, чтобы вся моя родня была жива-здорова»

- Все остальные члены вашей семьи живут в Москве?

- Да, моя дочь Наталья – закончила журфак, она член редколлегии журнала «Психология». Растут две любимые внучки и внук – старшая учится в РГГУ на филологическом и она поёт. Младшая – первоклассница, а внук еще ходит в детский сад.

Сестра Алина – врач-фтизиатр, а ее сын – Марат Ким – график и художественный директор известной фирмы, выпустившей «Доктора Живаго».

- Ваша жена тоже пишет песни?

- Нет, она – пенсионерка и мощной рукой держит тыл. И главное – тщательно следит за моим здоровьем.

- Юлий Черсанович, чего Вам в жизни не хватает?

- Чаще всего времени, чтобы оптимально распределить силы для работы.

Давайте негромко, давайте в пол-голоса....

- Кого вы больше всех любите из бардов?

- Михаила Щербакова, конечно. На меня всего сильнее действует Щербаков, большая часть репертуара Булата и, конечно, очень сильно – Высоцкий. Чрезвычайно хороша и ещё недооценена Новелла Николаевна Матвеева...

- Юлий Черсанович, как Вы считаете, жива ли авторская песня?

- Она бессмертна. Каждое поколение воспитывается на опыте поколений предыдущих. Классикой же становится всё то, что отбирается временем.

Русский или корейский?

- Юлий Черсанович, какие самые ранние впечатления детства остались у вас в памяти?

- Как ни странно, одно из самых первых воспоминаний – военное. Родители мои были репрессированы: отец, Ким Чер Сан – погиб, мать, Нина Валентиновна, осталась жива, была заключена в лагере. После того как их арестовали в 37 - 38-м, нас с сестрой взяли к себе дед с бабушкой. Жили они в городе Наро-Фоминске. Моё первое воспоминание – это немецкие самолёты, которые довольно низко пролетели над двором. И я почему-то их запомнил. Второе воспоминание тоже связано с войной. Осень 1941 года, мрачный ночной вокзал, длинный состав, никаких огней, так – ответ какой-то вечерний... Вдоль эшелона идут две фигуры – комендант поезда и моя тётка, которая приехала за нами. Она нас забрала из Наро-Фоминска последним эшелонам, а на следующий день туда вошли немцы... И я ещё помню, что мы – бабушка, нянька наша и мы с сестрой (деда к тому времени уже не было) – пробирались по вагону, переполненному ранеными, которые ругались на нас со всех сторон, потому что в темноте мы пробирались весьма неловко. Это одни из первых воспоминаний детства

- Ваши предки по линии матери были русскими?

- Я прямой потомок фамилий Всесвятских и Успенских. Это фамилии духовного сословия. Успенская Елизавета Осиповна, моя бабушка, была врачом. А вот отец деда (тоже врача), то есть мой прадед, Василий Павлович Всесвятский, был главным священником в храме большого села «Уготский Завод» Калужской губернии. Сейчас Уготский Завод – это город Жуков, потому что рядом, в деревне Стрелковка, родился Георгий Константинович Жуков. И прадед мой, Василий Павлович, его крестил. У прадеда было три сына, один из них мой дед Валентин Васильевич, Павел Васильевич, дочь Анна. Николай Васильевич был врачом. Задолго до революции в тех местах свирепствовал тиф, и доктор Николай Васильевич вылечил будущего маршала Жукова от тифа. Мои потомки – были настоящие земские интеллигенты

Они основали больницу, занимались школами, лечили, учили, помогали, словом, были в гуще народной. И когда пришла советская власть, они продолжали свою просветительскую деятельность. Моя мать Нина Валентиновна Всесвятская была учительницей, мой дядя землемером, всё это передавалось по наследству.

- Какие отношения у вас с родственниками отца, корейцами?

- Языка корейского я не знаю. Не так давно меня вытащили в Сеул. А я и не упирался, охотно туда поехал. Было замечательное человеческое общение, но сказать, чтобы я как-то проникся этой культурой, что она стала для меня родной и близкой, я не могу.

Пьеса для полуразбитого фортепиано

- Юлий Черсанович, это Ваша семья привила Вам любовь и интерес к музыке?

- После ссылки моей маме, как и другим репрессированным, было разрешено жить за сотым километром от Москвы. И мы поселились в городе Малоярославце Калужской губернии. Маме разрешили преподавать в школе и жить при школе. Мы жили в большой комнате, которая была одновременно складом учебных пособий, в основном географических и исторических карт. Жили мы там четвером: мама, бабушка и мы с сестрой. Несмотря на страшную бедность и полуголодное существование, жилось нам там весело. Там постоянно кипела жизнь какают: стенгазеты, вечера, монтажи, выступления, концерты, танцы, хоровые кружки... Стояло полуразбитое фортепиано, на котором я подбирал на слух какие-то мелодии – это и была вся моя музыкальная школа...

- Стихи тогда же стали сочинять?

- Глядя на свою матушку, которая занималась стихотворным творчеством напропалую, я тоже начал рифмовать довольно рано. Она всё время сочиняла что-нибудь для школьных мероприятий – всякие веселые или сатирические стишки. А песни я стал сочинять уже в институте. Там Визбор был перед носом – трудно было этим не заняться. Но всерьёз песнями я начал заниматься только на Камчатке.

- А песни для кино как родились?

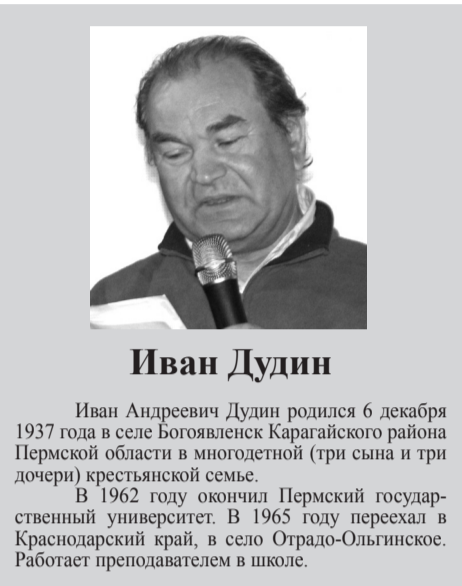
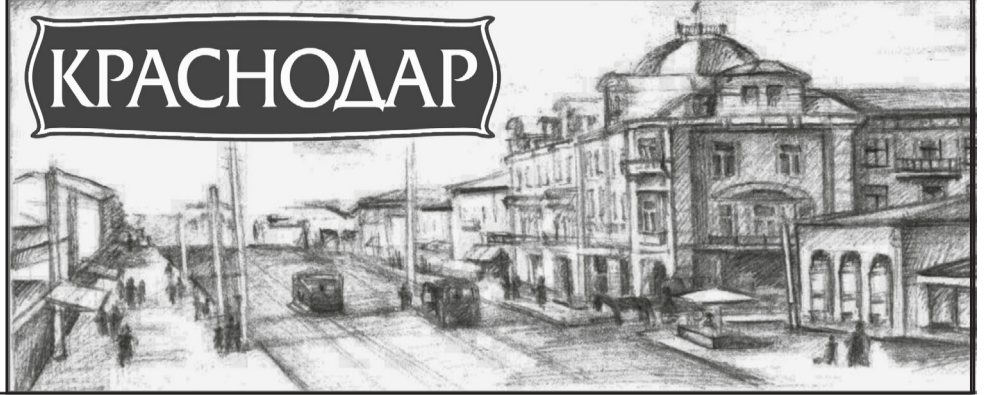
- Первый опыт в этом плане у меня состоялся в 1963 г. – фильм Теодора Вульфовича по сценарию Эдварда Радзинского «Улица Ньютона, дом 1». Режиссёр взял несколько готовых вещей, написанных мною на Камчатке, и свою самую первую песню на заказ «Фантастикаромантика» я сочинил именно для этого фильма. Её потом долго пели.

Кстати, самыми любимыми для меня остаются песни, созданные в содружестве с композитором Геннадием Гладковым – к кинофильмам «Обыкновенное чудо», «12 стульев», «Дульсинея Тобосская», «Формула любви». С удовольствием исполняю их на концертах.

Творческое объединение «Ладомир» создано в 1996 году. Объединяет профессиональных и самодеятельных поэтов, прозаиков, художников, мастеров декоративно-прикладного творчества, композиторов и исполнителей, бардов, любителей ролевых игр, фотографов.

Название объединения определяет характер и содержание деятельности творческого объединения. Это – жизнь в ладу с самим собой и в мире с окружающими. Эмблема клуба – летящая бабочка, подобная раскрытой книге, многоцветной палитре художника, распутившемуся хрупкому цветку. Всего в творческом объединении 200 человек.

Объединение проводит выставки, экскурсии, творческие встречи с литераторами и художниками, ролевые игры, праздники литературного творчества, декоративно-прикладного и изобразительного искусства, творческие вечера. Издаются литературно-художественные альманахи «Ладомир» и «Микролитъ».

Баба Поля

Огород, да колхозное поле,
Да «проспекты» родного села...
Вся в работе жила баба Поля,
Говорлива была, весела.

Раньше, помнится, жили легко мы:
Все просты, все равны – не князья.
Часто слышался голос знакомый –
Так что спутать с другими нельзя.

То зовет загулявшего внука,
То соседке выдаст сполна.
Жизнь – она интересная штука,
Да кончается быстро она.

Схоронили. Погост на угоре.
Дуют ветры с калмыцких степей.
Вроде нам не родная, а горе.
Без неё как-то пусто теперь.

Небо снова покажется выше,
Годы словно покатаются вспять –
Расцветут бабы Полены вишни
Возле домиков наших опять.

Пасха

Ночью дождь стучался глухо –
С неохотой, нехорошо.
Ветерок с утра – и сухо,
Лишь на вишне капли слез.

В новых платьицах деревья
Шепчут добрые слова.
В океане зла, неверья
Сердце ищет острова.

Благодать! От птичьих песен
Все светлей и тоньше грусть.
Шепчет Русь: «Христос воскрес!»
«Помоги нам», – шепчет Русь.

Февраль не ангел, это точно,
Но хулиганит не со зла:
Пугнет метелью полуночной,
Тропинки свяжет в три узла,

Засыплет баньку вровень с крышей,
Собьет прохожего с пути ...
А утром – нету парня тише
И добродушней не найти.

Заречка – улица сегодня
Белым – бела, морщинки нет!
Вот кот соседский лапу поднял
И замер: где вчерашний след?

Еще закаты как огарки,
Еще мертво в тиши лесной ...
Вдруг загалдят над храмом галки –
И дело кончится весной!

Я хочу, чтобы вечер зажег
В окнах желтые свечи,
Чтобы медленно падал снежок
Нам с тобою на плечи,

Чтоб, смеясь, изучала луну,
Снег губами ловила,
Чтоб деревья несли тишину,
Словно сено на вилах.

И опять в белоснежном дыму,
В дар печали нетленной,
На прощанье тебя обниму –
На глазах у вселенной!

Отчий край! Луга с болотами,
Холм пологий в волнах ржи,
Незаписанными нотами
В небе носятся стрижи.

И река, моя красавица,
Льется лентой сквозь года,
Серебром на солнце плавится
С детства добрая вода.

Перекаты, ямы, с плесами,
Серый галечник, песок ...
Трактор с красными колесами
Крутит сена поясок.

Тишина проселка пыльного,
Ветра летнего каприз ...
А с горы деревня Сильново
С любопытством смотрит вниз.

Красный клевер, желтый донник –
Наглядеться не могу.
Вот бы здесь построить домик –
На веселом берегу.

Деревянный, в три окошка.
День, другой – и он обжит.
Убежит к воде дорожка
И обратно прибежит.

Жить без спешки и мороки,
Как туземец без одёж.
Я узнаю от сороки,
Если вдруг меня найдешь.

Скрипнет легкая калитка,
Не скажу ни слова я.
А душа моя, улитка,
Превратится в соловья.

Красный клевер, желтый донник –
Наглядеться не могу.
Вот бы здесь построить домик –
На веселом берегу.

Об этом вспомнишь и сама –
Не верю, что забыла ...
Сирень сводила нас с ума,
И сердце гулко билось.

С тобою рядом шел чуть жив,
И выглядел неважно,
Но в палисадниках чужих
Сирень ломал отважно.

А запах голову дурил,
Рассветом ночь сменялась.
Тебе одной сирень дарил,
А ты в ответ – смеялась.

А зимы как века –
Длинные и глубокие.
Мне вспомнился декабрь,
Тепло твоей руки.

Хруст снега. Желтый свет
В домах уже погас.
И церковь молча вслед
Перекрестила нас.

Всё возвращается в Париж –
Ветра, дожди, его картины.
А ты летаешь и паришь –
Ах, что мне годы и седины.

Жизнь четко делает круги,
Возносит круто по спирали...
Прости, Господь, мои долги,
Прости, Господь, мои печали.

Березы лист к ногам упал.
Я от него уйти не смею.
Осенний день меня обнял,
Напомнил всех, о ком жалею.

И ни прибавить, ни отнять –
С кем я прошла по белу свету.
В какой-то миг, сумев понять,
Что есть любовь, а смерти нету.

Ой, да разгулялись вдруг ветра,
Да во чистом поле.
Не хватало мне вчера
Ни любви, ни воли.

Жить у жизни научусь
С книжкой на досуге.
Гой еси, родная Русь,
Недруги, да други.

Я о многом промолчу,
Ласковая стану.
Буду жить, как я хочу,
До небес достану.

А не станут одобрять
Все мои замашки,
Выйду в поле собирать
Белые ромашки.

И останусь здесь одна
В целом белом свете,
Где вокруг моя страна
Тонет в жарком лете.

Вот так и живешь чужестранкой,
Где лето, жара и сады.
Где дождик просыпался манкой
Свои оставляла следы.

Сюда возвращалась я снова,
Чтоб тихо смотреть в облака,
Где месяца зрела подкова
И острая тлела тоска.

Что вечер, что полночь, что утро –
Во всём отражалась душа.
Над каждым цветком – камасутра,
Звезда над трубой шалаша.

Я всё же счастливой бывала,
Дымком запивая вином.
Я ангелу вирши читала,
К плечу приникая тайком.

Ах, мой белокрылый, хотя бы
Ты строго меня не суди,
А просто печальную бабу
Прижми к своей светлой груди.

Отцвела, отцвела маттиола,
Где фонарь, упираясь во тьму
Не согреет простывшее горло –
Я привыкла к шарфу, как к яру.

Хорошо в этот час в одиночку
По уставшему саду ходить
И его золотую сорочку
Обреченно и нежно любить.

Может, праведный мир воцарится?
Но летят журавли, журавли,
А под ними родная земля
Сорвалась с заводной колеи.

И, тревожно как в смутное время,
Отступили любовь и печаль.
Ветер гонит последнее семя –
Ничего в этой жизни не жаль.

Люди, звери, деревья и птицы
Улетают в холодный простор.
Звезд далеких колючие спицы
Завели меж собой разговор.

Неустойчивый мир утонченный
Давит жестко на русскую грудь,
Будто камень горячий и черный
Выжимает последнюю грусть.

Какая нежная тоска,
К покою тянутся равнины
И журавлиный плач, былинный
Печалью полнит небеса.

Прозрачен воздух ясный, чистый.
Открыты окна в старый сад...
Всё так же, но три дня назад
Он был по-летнему лучистый.

Я тридцать лет в саду живу.
Упали яблоки в траву...
Я в двух веках одновременно –
В костёр подбрасываю сено
И строчки мелкие пишу,
К земле чуть приклонив колено.

Пусть всё останется со мной:
Кусты, деревья, георгины.
Но ветер, веющий с долины
Горчит полынью и тоской.

Где рябин ярко-красные низки
Затаились среди веток густых,
Вспоминаю далёких и близких,
И ещё почему-то чужих.
Дорогих, позабытых, любимых
Поименно зову в тишине.
Мной отвергнутых, необходимых
В эту осень вдвойне и втройне.
Что же некого больше любить?
В эту осень, что не было краше,
Может, время настало испытать
Одиночества полную чашу?
Может, время настало понять
В серый день затяжного ненастья.
Что не может душа разменять
Дней прошедших за проблески счастья.

г. Краснодар

Игорь Васильев.*Краснодарская ода. Будущее нашей культуры.*

Меж землёй и небом царят небоскрёбы. Синие, как айсберги и горные вершины, черные как скалы, светлые, как паруса старинных кораблей. Между ними, будто лесные цветы среди вековых деревьев, порой виднелись церкви или кирпичные арки непонятного назначения. «Чё это за арка с доской? Хрен его знает! Оживляж, типа, городского пейзажа.» – так думали, глядя на триумфальную арку, возведенную в честь приезда императора Александра III, суровые менеджеры и прекрасные секретарши. Им было недосуг читать надпись на арке. Этим героев и героинь ждали новенькие кабинеты в сверкающих небоскрёбах. А после работы и в выходные – бесчисленные кафе, развлекательные центры и кинозалы, расположенные на других этажах тех же небоскрёбов. Такова феерическая картина Краснодара 21 века.

Впрочем, у всего прекрасного и великого есть и обратная сторона. Сохранился и продолжает жить разный мелкий бурьян, обычно ассоциирующийся с затасканным словом «культура». Ну, это всякие библиотеки, научные учреждения, творческие союзы. Сор был заботливо выметен из-под ног гигантов потребления. Выметен и выброшен туда, на окраины. Туда, где тоскливо шумит ветер и бомжи роются в чужих огородах.

В тех местах изредка можно увидеть шалаши и землянки, которые брезгливо обходят огородники и сторонятся бездомные. «Научная библиотека», «Творческий союз», «Научный центр» – можно прочесть на кривобоких вывесках этих жилищ отверженных. Лишь изредка они привлекают внимание досужих любителей экзотики. А так эти странные существа, работники культуры, живут своей, непохожей ни на что жизнью. Например, они проводят научно-практические конференции. Какие такие научно-, нормальные люди не знают и знать не хотят. И почему практические – непонятно. Прибыли-то никакой!

Впрочем, учёным людям тоже жить надо. Вот и тянутся они после очередной конференции к одичавшему саду. В саду – целое сокровище. Алыча поспела! Но кому она нужна, кроме воробьёв и работников культуры. Ленивые бомжи и мальчишки-игроманы на неё не позарятся.

И вот стая воробьёв снимается и улетает в глубь сада. Они-то знают, что такое голодные культработники. За дерево берутся со всех сторон и трясут в меру сил. С веток лениво сыплются золотистые плоды.

Потом все расходятся по шалашам и землянкам, жуя и заботливо держа свёртки с драгоценной добычей. В посвежевших умах рождаются замыслы. «Напишу-ка работу «Современная реконструкция голода и раскулачивания 30-х годов 20 века». Ведь материала предостаточно. Сама жизнь даёт!». Так думает кубанский историк, глядя на синеющие вдали вершины небоскрёбов. Библиотекари и методисты запевают что-то печальное. На поля и огороды опускается вечер.

Светлана Зобова

Родилась в Саратовской области. С 1989 года проживает на Кубани. С 1996 года член ЛИТО «Ладомир». За свои стихи в 1997 году получила именную премию главы администрации Краснодарского края Н.И. Кондратенко. Соискатель Международной премии «Филантроп» - 2000. Публикации: альманах «Ладомир». Автор поэтических книг «Бархатное время» (2001) и «Прикоснись» (2006). Занимается разными видами рукоделия (бисероплетение, соломка, кожа, гильоширование, декупаж). Имеет более 20 дипломов и благодарственных писем за участие в выставках.

**Мне было сорок сороков,
Когда взлетев до облаков
Моя душа, расправив крылья,
освободилась от оков.
Мне было сорок сороков.**

**Мне было сорок сороков,
Когда, не помнящая снов,
Друзей в пути теряя устала,
И полагаться на врагов.
Мне было сорок сороков.**

**Мне было сорок сороков,
Когда израненное в кровь,
Мне сердце песню вдруг запело
Из глубины иных веков.
Мне было сорок сороков.**

**Мне было сорок сороков,
Когда меня нашла любовь,
И у меня гостить осталась,
Ещё на сорок сороков.**

Дарите чаще женщинам цветы.
Дни, как снежинки, на ладонях тают.
И вновь теряет календарь листы,
А годы, словно птицы, улетают...

Как дорог, каждый, женщине цветок,
Когда года, увы, уже за тридцать.
Перелистнул проказник-ветерок
В тетради жизни – юности страницы.

И среди будней вечной суеты,
Когда минуты счастья так мгновенны,
Дарите чаще женщинам цветы,
Пусть будут судьбы их – благословенны.

Ничейные дети

Луговые цветы не сажают –
Каждый год они сами цветут.
Просто мамы их дома не ждут.
Просто ласки для них не осталось
У родных, самых близких людей.
А в глазёнках и боль, и усталость
Повзрослевших так рано детей.
Оглянитесь, быть может не поздно
Посмотреть им в глаза, чтоб понять,
Что для вас и для них всё серьёзно,
И для счастья нужна только мать.
Пусть птенец не родится бескрылым,
Пусть проросший цветок –
расцветёт,
Пусть ребёнок, желанный и милый,
Словом «мама» лишь маму зовёт.

Чувство мести – как грифель
В карандаше
Чёрный след оставляет
На белой душе!

Разревелась, расканиючилась
Осень дождиком вчера.
И пошла в садах закручивать,
Листьев желтых веера!
Не мила нам эта непогода
Всем тепла б еще чуть-чуть...
Только где-то недалеко уж
Торит зимушка свой путь.

Анна Вартаньян

Родилась и живёт в г. Гулькевичи. Краснодарского края. Представитель учительской династии. Pianistka и композитор. Публикации: в альманахах «Краснодар литературный», «Ладомир», «Звезда Черноморья», в газетах «Прикубанская искра», «В 24 часа», «Рассвет» и «Кубанский Писатель». Автор поэтических книг: «Дождь любви», «Подснежник и Роза», «Оленёнок и Звёздочка», «От зорь и звёзд...», а так же музыкальных альбомов «Песня Соловухи», «Счастье». В этом году выходит из печати книга «Радость негасимая» и альбом песен на слова С. Н. Макаровой «Как сердца стук...». С октября 2009 года член литературного актива при КРО СП России.

*Летает ангелом апрель...***ПО БЕЛОСНЕЖЬЮ...**

По белоснежью радугой пишу.
Дай Бог, не ошибаться, не лукавить,
Дыханье фразам правильно поставить...
Тогда я стих на волю отпущу.
Пусть улетает! Светлые крыла,
Коснувшись душ, их чутко обогреют,
И чья-то боль, смутившись, ослабеет
И даже позабудет, что пришла.
По белоснежью радугой пишу...

РАДОСТЬ НЕГАСИМАЯ...

Небо хочу целовать:
«Здравствуй, родное, любимое!
Ты – и отец мне, и – мать,
Радость моя негасимая».
Маки, ромашки, ковыль
К солнцу застенчиво тянутся.
Это слияние – быть,
Самое высшее таинство.
Слово хочу целовать,
Небом, землёю хранимое,
Жизнь ему отдавать –
Радость моя негасимая...

**Я НЕ МОГУ
РУГАТЬ РОССИЮ**

Я не могу ругать Россию,
Мою родимую страну.
Здесь дед и прадед хлеб растили
И уходили на войну.
Здесь я малышкой кареглазой
Узнала свет и горечь слёз.
Отца не видела ни разу,
Но знала шум и цвет берёз.
В Кубань ладони окуная,
Взрослела сердцем и стихом.
Здесь мама, ясная, родная,
Собою осеняет дом.
Здесь жить, до высшего прощанья,
И в Небе – землю сберегать.
Стою пред Родиной в молчанье.
За что, за что её ругать?

СЕКРЕТ

Я в судьбах останусь цветами и небом,
По капельке в каждом, кто рядом прошёл.
Мне этот секрет почему-то стал ведом,
Как хлеб, что положен с любовью на стол.
И в знании этом – ни ноты гордыни,
Напротив, застенчивость сердца и глаз.
От боли душа никогда не остынет,
И Небо – со мною. Сегодня. Сейчас.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Над нами – небо Омфором
И незабудками – купель,
И сердце полнится простором,
Летает Ангелом апрель.
Он сберегает и смеётся,
Небесно-сильный, озорной.
Цветами Вечность в руки льётся
И вдруг становится родной...

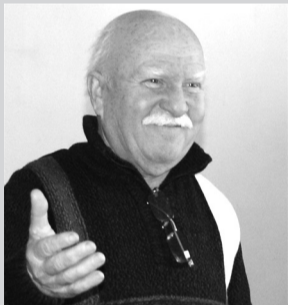
ОДА МУЗЫКЕ

Ничто не вечно под луной
Ни добрый год, ни лихолетье,
Но лишь одной, тебе одной,
Всегда даровано бессмертье.

Ты не обманешь, не предашь,
Не оскорбишь, не обескровишь.
Ты руку помощи подашь
И за спиной не позлословишь.

Лишь ты одна всегда верна,
Я от любви к тебе немею.
Лишь пред тобою весь до дна
Тебе одной солгать не смею.

Ты бог мой вечный и судья,
Ты мой кумир, моя отрада.
Пока живу на свете я,
Мне больше ничего не надо.

Андрей Атоян

Я родился зимой 1947 года, которая, по словам очевидцев, была лютой. Был необычайно слаб, но выжил. Чему до сих пор рад. В остальном как у всех: школа, самодеятельность, спорт... маленький, худой и злой, я стоял последним на уроке физкультуры, но я пел, танцевал, читал стихи, был членом школьной редколлегии. В 1961 году впервые «засветился» на краевом телевидении. И с тех пор...

Стекло

Сегодняшний день был для Федякина особенно удачным. Он, наконец, купил стекло. Большое стекло для балконной двери. Жена давно пилила его по этому поводу. Действительно, дверь на балконе должна быть застеклена. Она и была застеклена. Раньше. Потом, когда Федякин как-то случайно забыл её закрыть, а сам ушёл к соседу смотреть мультики для взрослых, сквозняком дверь и хряснуло. Стекло, конечно, вдребезги. Пришлось временно заколотить дыру куском фанеры. Это время продолжалось уже довольно долго. Но сегодня дверь будет застеклена.

С трудом дождавшись окончания рабочего дня, Федякин достал из-за шкафа с документацией большой лист стекла, обернул его несколькими газетными листами, оделся и, аккуратно взяв стекло, вышел на улицу. Сесть в автобус с таким грузом нечего было и пытаться. Придётся идти пешком. Благо, не очень далеко. Федякин шёл осторожно, избегая случайного столкновения. Пройдя немного он почувствовал, что стекло довольно тяжёлое, неудобное и больно режет ладони. Остановившись у стены одного из домов, Федякин аккуратно поставил лист стекла рядом. Расстегнул плащ, снял шляпу и прикрыв глаза, глубоко вдохнул. Ветерок приятно дул в лицо. Успокаивал. Федякин представил, как удивится его жена, когда он появится в квартире со стеклом. Пройдя на балкон, Федякин отдерёт ту злосчастную фанеру и приставит к проёму стекло. И лист будет точь-в-точь по размеру. Он закрепит стекло, а потом они сядут ужинать. И жена посмотрит на него так, как уже давно не смотрела. Ночью через балконную дверь, вновь застеклённую, будет заглядывать луна. Большая и жёлтая. А он будет лежать усталый, но довольный и смотреть на её нахальный блин. И улыбаясь. Федякин сладко потянулся. Открыл глаза. Солнце зашло. Ветерок посвежел. Поёжившись, он застегнул плащ, поглубже надвинул шляпу и повернулся за стеклом. Стекла не было.

Любовь Пахомова

Любовь Пахомова по образованию – художник-педагог. Стихи начала писать в юности. Печаталась в литературном альманахе «Прикубаночка», в сборниках «Литературный остров», «Очарованные словом», альманахе «Краснодар литературный», в газетах «Краснодарские известия», «Кубанский писатель», «Человек труда». В 2009 году вышел первый сборник стихов «По следам тишины».

То ли тревожит, то ли баюкает
Вечная песня колёс.
Где-то в тайге паровозик аукает,
Эхо нам ветер принес.
На полустанке девчонка с корзинкой
Яблоком красным хрустит,
А проводница махнула косынкой,
И в неизвестность умчит
Поезд из прошлого в свет и в ненастье...
Но в памяти живы всегда
Радость пути, ожидание счастья,
Нашей судьбы поезда.

На тонком острие карандаша
Загадка слов написанных таится
Поэзии крылатая душа
Парит над нами – трепетная птица.
Источник мастерства не замутнен,
Но ни к чему искать в нём отраженье,
И список из талантливых имён
В нас не пробудит вспышку вдохновенья.
И лишь тобой, поэзия, дыша,
Моя проснется спящая душа.

В осколках разноцветного стекла,
В зеркальных каплях твоего ненастья
Есть искра затаенного тепла –
Твои глаза и ожиданье счастья.
Быть может в том хрустальном феврале,
Когда тоска с отчаяньем дружили,
Ты не заметила, что на твоём столе
Стихи, что ты писала, вдруг ожили.
Твое в них бьётся сердце в унисон
С весенним звоном солнечной капли
Ты думала, что это просто сон
В котором птицы радостные пели.
Тебя уносит, в темном небе тая,
Живых стихов заоблачная стая

Цветущее дерево, старый сарай,
И грядки с побегами лука и хрена.
Для старых хозяев свой маленький Рай,
Не вырваться им из привычного плена.
Да им и не нужно другое житьё
Вот только бы рядом быть,
только бы вместе,
Смотреть на цветы, на закат, на жнивье,
На пёстрою петушку, на кур на насесте.
Еще один день постепенно затих,
Здесь время летящее не замечают.
На небе застыл ослепительный штрих,
Прозрачное облако медленно тает.

Уводят автора стихи
От первой точки
В далекий путь, знакомый путь
До новой строчки.
До новых встреч, до новых слов,
До слов крылатых,
До синих звезд в ночной дали,
Где время сжато
Или закручено в спираль
До новой строчки.
Уводят автора стихи
К последней точке.

Свет жизни – творчества призыв,
В нем искра высшего сознания,
Не шум всеобщего признанья,
А сердца искренний порыв.

И если ветер принесет
Слов позабытых сочетанье,
Не обрекай их на скитанье,
Пусть с точностью пчелиных сот

Займут места в достойной строчке,
Теплом порадуют сполна,
Или возникнут после точки,
Как закипевшая волна.

И если ты в душе поэт,
Придут слова и в твой сонет.

Не старайся кукушка, не надо,
Все равно я не буду считать,
Сколько встречу еще снегопадов
И увижу ли осень опять.
Но твой голос таинственно связан
С тем, что временем люди зовут,
И на ветках раскидистых вязы
Не пенцы, а минуты живут.
И когда от весеннего света
Волшебства ожидают сердца,
Словно пропуск в счастливое лето
Пусть кукушка поёт без конца.

Любовь Лукьяненко

г. Краснодар, врач клинической лабораторной диагностики. Начала писать стихи во втором полугодии 2009 года, когда «просто подняла глаза». Член литературного объединения «Верность» с апреля 2011 года. Летом 2012 г. произошла встреча с издателями журнала «Микролитъ» ТО «Ладомир», что послужило толчком к увлечению микроформами стихов.

ТВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Приветствует рождение природа,
Учитывает каждого удел,
Дает нам для творения свободу,
Предоставляет массу важных дел.

Любой свою судьбу вершит, как может.
Кто разрушитель в жизни, кто – творец.
По истине тоска нередко гложет.
Но вот уже построен твой дворец.

Покой твой нарушая не впервые,
Гурьбой или выстраиваясь в ряд,
Свершенные дела, как часовые,
Незримой тенью за спиной стоят.

Какую дать твоим твореньям цену,
И тот ли получил ты результат.
Для игр своих удачно ль выбрал сцену.
Достаточно ль велик внесенный вклад.

Нам важно чье-то мнение чужое.
И нужно видеть теплый, добрый взгляд.
Знать, где служенье истине святое,
Как двигаться вперед, а не назад.

Расправь согнутые печалью плечи.
Нестройный хор сомнений отпусти.
Любые в твоей жизни ценны встречи.
Ты просто должен свет другим нести.

ЛОВУШКА

Корысть и зависть расставляют сети.
Кладут приманку рядом: ложь и лесть.
Порою люди взрослые, как дети,
В ловушку умудряются залезть.

И жизнь ломая людям беззаботно,
Нисколько злобных действий не тая,
Скользит на солнце лживая змея,
Коварством наслаждается охотно,

Лесть пьяно, сладко голову дурманит,
И мягким мохом устилает путь,
Сама упрямо в темный омут тянет,
Стараясь с головою окунуть.

И сами жертвы как предмет забавы,
Составив с победителями ряд,
Над целым миром простаки парят
На волнах ложной и пьянящей славы.

МИР ЧУДЕС

Жемчужная россыпь дождинок
В зеленой намокшей листве.
И тысячи мелких росинок
В припавшей на землю траве.

Играя, резвятся по крышам.
Стучатся к нам капли в стекло
Раскатыстый гром всюду слышен.
Дождинки влетают в окно.

И пусть в небе темные тучи,
И отблески молний вдали.
Но мир весь становится лучше,
И чище просторы земли.

Слетают на грешную землю
Чистейшие капли воды.
И звукам дождя души внемлют,
И греются счастья следы.

В ТЕНИ АКАЦИЙ

Кудрявые кроны акаций
У самой дороги на склоне,
Совсем не для чьих-то оваций,
Склонились в галантном поклоне.

Покоем и даже блаженством
Одарят, укутуют от зноя.
Хоть сами полны совершенства,
Приветствуют путников стоя.

Стручки зазывают игриво
И тень дышит легкой прохладой.
Шипы угрожают правдиво,
Запретного трогать не надо.

Не требуют вовсе награды,
Не ведомо им слово лесть.
Помогут всегда тем, кто рядом,
Лишь тем, что они просто есть.

Иван Кротов

Прозаик, поэт. Родился в 1967 году в г. Анадырь на Чукотке. Руководитель лито «Ладомир». Публиковал прозу и стихи в журналах «Окно», «Три желанья», «Fenestro», «Asa», «Мансарда» и других. Редактирует альманахи «Ладомир» и «Микролитъ». Призёр 4-го международного конкурса хайку на русском языке (2011). Живет в Краснодарском крае.

Дождь.
Яблони в цвету.
Пью чай на веранде.
Сыро...
Дерево пахнет
Размокшей краской.
Пелена дождя
Виртуальной дымкой
Отделяет меня
От цветущих деревьев,
Словно –
От потустороннего мира:
Райского сада?
Слушая шелест капель
Думаю о тебе.
Здесь,
За тысячу километров,
Ты иногда кажешься
Призрачной тенью –
Как будто и не было тебя.
Но,
Память не может
Так лгать.
Ты похожа на маленькую
«Парижанку»
Со стеллы в Кноссе,
Девушка-вишенка,
Маленькое чудо природы.
Думаешь ли ты обо мне сейчас?
Мир словно
Остановился.

Смотрю
На дождь.
Нет – глубже:
Вглядываюсь
Сквозь цветущие ветви
Пытаясь увидеть – что?
И сам не знаю...
Думаю обо всём
И ни о чём.
Может,
Это и есть чистое бытие?
Так тихо вокруг...
Старая веранда.
Надколотый чайник.
Одиночество. Саби и ваби.
То и не то.
Вот один лепесток
Срывается вниз...

Мысль изречённая умирает сразу,
Хоть этот процесс недоступен глазу.
Отлетает хитиновой шкуркой слово
Падая, ложится на терру-ново
(Говоря проще – на чистый лист)
Слёживается, каменеет, сохнет,
Покрывается пылью как фист
Превращаясь в ископаемый пласт,
Обманчиво-прочный, как снежный наст.
Тот, кто находит его через тысячу лет,
Радуетя напрасно: ведь жизни в нём нет.
Мысль испарилась, ушла в эфир,
Вольная – улетела в другой мир.
Чтобы столкнуться с ней,
как с бывлой

любимой,
Нужно добиться встречи с неуловимой
Субстанцией автора –
временного пристанища
Для скитающихся мыслей,
чувств и

знаний.
Как ни старайся, но понимания
В мире нет.
Разум заперт в темнице мозга
Среди хлипких сосудов
и жирных молекул,

В сборище всего этого хлама,
В царстве своих ощущений убогих,
В поисках счастья, бессмертия,
Бога...

Владимир Наливайко

г. Гулькевичи. По образованию инженер-электрик, по призванию – поэт. Член ТО «Ладомир» города Гулькевичи с момента основания, принимал участие во всех сборниках.

НОВОГОДНЯЯ ПЕСЕНКА

Шаль зеленая иголок,
электрические свечи,
Мишура и разноцветные шары.
Ель стоит царницей дома
в этот Новогодний вечер,
А под лапами припрятала дары.
Звон бокалов, провожаем,
громко тосты в честь удачи,
На прическах у девочки лак блестит.
Подведение итогов, предстоящие задачи,
Все сомнения сегодня отмети.
В телевизоре куранты,
к потолку взлетают пробки,
Наконец-то, поздравляю, он идет.
В небе зарево салютов,
на снегу хмельные тропки
И в сугробах блещут звезды. Новый год.
Поздравленья, поцелуи,
пара рюмок у соседа,
Все друзья вокруг и на душе тепло.
Возле печки, с сигаретой,
неспешная беседа
Под бутылочное, звонкое стекло.
Утро. Скатерти убрали и тарелки,
как утятя,
В мойке плещутся, ныряя под струю.
Протирая полотенцем
свой похмельный лик помятый,
Я тихонько эту песенку пою.

Страница памяти

ЗДЕСЬ НЕТ МЕНЯ ТЕПЕРЬ...

Памяти Григория Рыскина

Когда уходит человек, в сердце остается прореха, которую трудно заполнить. В конце сентября не стало Григория Рыскина, талантливого публициста, писателя, очень необычного, интересного человека. У него была трудная жизнь: военное детство, бомбежки, эвакуация, гибель отца на фронте. Потом – непростой быт впроголодь в густонаселенной ленинградской коммуналке. Но природная любознательность, тяга к учебе и чтению брали свое: Гриша нередко забирался под стол, чтобы создать иллюзию уединения для чтения и занятий. При этом сизмалства умел постоять за себя, частенько показывал боевые шрамы на сбитых костяшках пальцев.

Рыскин закончил школу блестяще, с золотой медалью. Но поступить в авиационный институт не смог: помешала пресловутая «пятая» графа. Поэтому учился на факультете журналистики и занимался литературным творчеством. Григорий никогда не стыдился своей национальности, простой рабочей семьи, в которой вырос. В дальнейшем он не боялся никаких трудностей, несколько лет преподавал в колонии для малолетних преступников, о чем и написал повесть «Педагогическая комедия». Ученики его обожали – вместо сухих занятий по стандартным учебникам необычный педагог вдохновенно читал наизусть стихи, в том числе, – запрещенных поэтов, учил понимать и анализировать литературные произведения, буквально заражал всех своей страстью к чтению.

В Ленинграде Рыскин работал на радио, печатался в альманахах и журналах, мечтал выпустить сборник лирических стихотворений. В 1979 году не выдержал удручающей окружающей атмосферы, как и многие другие представители ленинградской творческой интеллигенции, сорвался вслед за Сергеем Довлатовым в США, где продолжил заниматься журналистской работой в газете «Новый американец». Этот бурный и увлекательный период его жизни, который он считал одним из самых лучших, блестяще описан в повести «Газетчик», где шаржированные персонажи узнаваемы, а бытовые подробности – вполне автобиографичны и конкретны. Рыскин писал порой с едким сарказмом, грубоватым юмором, но старался честно передать личное противоречивое восприятие действительности, которая его окружала. Неоднократно его материалы висели на «доске почета» в газете, чем Григорий, считая Сергея Довлатова блестящим редактором и критиком, очень гордился. В общении со мной он с грустью вспоминал и рубрику памяти «Ушел в подвал и не вернулся», рассказывавшую о трагических судьбах русских эмигрантов в США. После закрытия «Нового американца» сумерки стали понемногу сгущаться, заниматься творческой деятельностью и общаться со своей аудиторией читателей становилось все сложнее.

Во время нашей последней встречи Григорий Исаакович сетовал, что совершил ошибку, поддавшись массовому стремлению литературной интеллигенции своего времени к эмиграции за океан. То, что тридцать лет назад казалось героизмом, рывком к свободе, неожиданно обернулось тупиком и личной душевной драмой. Рыскину довелось поработать в США совсем не по специальности – таксистом, грузчиком, массажистом. Об этом трудном опыте рассказывает его книга «Записки массажиста». В Америку писатель долго вживался, вращался с самого низа, но, несмотря на титанические усилия, так и остался на отшибе спокойной обеспеченной жизни, внутренней удовлетворенности не наступало. В его душе зрел невидимый глубинный надлом.

Григорий неоднократно повторял, что писатель за границей оторван от родного гнезда, лишен вдумчивого внимательного читателя, способного понять и воспринять его произведения. «Внутренним адом» называл он творческую жизнь Довлатова в эмиграции, предсказуемым – его трагический финал, но все чаще сам ощущал

себя в такой же западне. В повести «Ангел смерти» он как будто заглядывает в черную бездну собственного бессознательного, мешая вымысел, реальность и воспоминания.

В жизни Рыскин бывал очень разным: умел по-мужски пошутить, прислать взволнованное послание по почте или пожуричь за долгое молчание, мог неожиданно заговорить на идиш, в мгновение ока стать серьезным и очень категоричным, если речь шла о том, что его задевало. Но сердце его было добрым и отзывчивым, он часто и очень эмоционально вспоминал сына, внуков, беспокоился о друзьях. Я дважды гостил в его небольшой гостеприимной квартире в Нью-Джерси. Особенно запомнилась наша прогулка по берегу океана, когда он, увлекшись рассказом о судьбах писателей-эмигрантов, совершенно потерял счет времени. Жена писателя Нина – настоящий ангел-хранитель семьи – создавала атмосферу спокойствия и уюта, чтобы Григорий был здоров, обихожен и имел возможность писать. И он делал это буквально до последних дней: из-под его пера выходили эссе, очерки, переводы, критические миниатюры. Тяжелая напряженная работа спасала от удручающей скудной реальности.

В суждениях Рыскин бывал порой излишне резок, зачастую провоцировал собеседника на спор, но за парадоксальностью его оценок скрывался острый необычный ум и многополярная внутренняя вселенная. Он мог наизусть цитировать произведения Гете и Луккиана, блестяще знал творчество Пушкина, Достоевского, Шолом-Алейхема, всю жизнь глубоко изучал Толстого. Его цепкая память хранила отрывки из произведений друзей-шестидесятников, любимых русских поэтов. Немало времени он посвятил осмыслению еврейской темы у разных авторов, в том числе – у Сергея Довлатова.

Большим потрясением для Григория Рыскина стали события 11 сентября 2001 года. Из окна его дома в Нью-Джерси было видно, как на противоположном берегу Гудзона рушатся башни-близнецы. Он сжался и страшно написал об этом моменте в повести «Ксантиппа», а всем гостям обязательно показывал монумент памяти жертвам чудовищного теракта. Он говорил, что для него 11 сентября рухнул старый мир, в котором существовала хотя бы иллюзия безопасности, прямо в душу вновь полыхнуло войной из далекого детства.

А на родине о Рыскине стали понемногу забывать, порой годами в России о нем не вспоминали. Он очень тяжело это переживал, поскольку считал, что писатель не мыслим без читателя. Появление нескольких критических обзоров Григория в журнале «Иностранная литература», интервью в «Алефе», публикация эссе в «Новой газете» казались настоящими прорывами к своей аудитории.

Два года назад он по собственной инициативе приехал в Москву на встречу с читателями, посвященную выходу в свет в России его книги «Русский американец». Это выступление до сих пор стоит у меня перед глазами. Послушать Рыскина пришли несколько пожилых женщин, друзья и представители издательства, всего человек десять. Григорий Исаакович, забыв про микрофон, почти два часа вдохновенно рассказывал о глубиннейших темах, изливал душу, и численность аудитории не имела для него никакого значения. Он словно торопился успеть поделиться, выговориться перед людьми в России – именно этой возможности он был лишен в последние десятилетия.

Для писателя самое главное, чтобы жили его книги. Григорий Рыскин часто говорил, что его мечта – донести свои творения до читателей. Давайте помнить наших ушедших литераторов, возвращаясь к их произведениям, задумываясь над уроками судеб, которые порой обрываются так неожиданно.

Наталья ЛАЙДИНЕН

Ах, Одесса-жемчужина у моря...

Я вам не скажу про всю Одессу, поскольку ни черта про неё не знаю. Говорят, что когда вокруг вас одни одесситы, а ты из черте какой Москвы, то чувствуешь себя не полноценным, а если это происходит ночью, то импотентом.

А еще говорят, что человек который там был хоть один раз, не забудет этот город никогда и начнет убеждать себя и других что он там родился, учился, а уж умирать точно будет там и что Дюк Решелье его дальний родственник. И конечно, ах, ах Фантанка, ой вей, Дерibasовская, и не говорите мне за оперный театр. Это театр, так театр. Я там тоже никогда не был, но впечатление потрясающее.

А сколько великих людей дал этот город! Так это же люди, как люди, а не шмекало какие-то, живот и ноги, и не ковыряйте в носу вы не на лимане, а в приличном заведении. Это, конечно, не Одесса, скромненько, но со вкусом, но мы это всё переделаем. У нас такие Рембранты, Ван Гоги, из чего хочешь конфетку сделают, и уши будут целы.

Первые десять лет в Америке я больше всего жалел, что не был в Одессе. Как-то идя по Кони-Айланду с великим художником, одесситом Ильёй Шенкером никого не трогаем.

– Илья, я жалею, что не был в Одессе, и наверно, никогда не буду.

– Расскажи, какая она. – Он расставил руки и развернулся на 360 градусов – и сказал,

– А вот такая. – Я огляделся. – С тех пор мне стало легче жить.

А вы никогда не задумывались почему одесситы с Брайтона называли это место – «Маленькая Одесса». Конечно же не из-за воды и пляжа. Разве это может сравниться с Чёрным морем? И не потому что каждый проходящий – земляк, из Одессы, и на вопрос отвечает вопросом, а вы как думали? А что вы смеетесь, вы на него посмотрите, все давно плачут, а он льбится. Нет, вы только посмотрите. У кого-нибудь есть зеркало? Пистолет есть, а зеркала нет!

И конечно же не потому, что на Брайтоне всё есть, как на одесском базаре, а если чего-то нет, то завтра, для вас обязательно, будет.

И потом, одесситы никогда бы не позволили, чтоб у них в Одессе над головой летела электричка. – да никогда в жизни, и без неё голова раскалывается. Да и слушать почти невозможно, когда тётя Цыля что-нибудь рассказывает, она потом ещё пять будет. Она из Одессы, уж она-то всё знает: – Мой зять – Мотя, – начала Цыля и оглянулась, – хорошо стоит, хотя на его базе с селёдкой что-то не кошер. Бенечка – внучек, уже который год плохо учится, а Мариночка хорошо, но не тому что надо, но дай Бог им всем здоровья. Я ведь ради них сюда и приехала. Чего мне только в Одессе нехватало, только что птичьего молока. Только ради детей, только ради детей, – и по-моему собралась петь, но я вовремя убежал в Майями.

А маленькой Одессой они называли это место потому, что бы она была везде, как и сегодня она здесь с нами – жемчужина у Чёрного моря.

Михаил НЕРЖИН

Зиновий Коровин

Родился в Киеве, где провёл лучшие годы своей жизни. По образованию и профессии – инженер по строительному проектированию. В США – с 1979 г. Стихи и проза публиковались в различных изданиях. В настоящее время работает над поэмой «Песнь об Окуджаве». Публиковался и в англоязычных сборниках: «The International Who is Who in Poetry», 2004 г.; «Songs of Honour», 2006 г. С 2006 г. – постоянный автор международного англоязычного журнала «Poems of the World». Лауреат 12-го конкурса Международного Общества Пушкинистов в 2002 г. 1-е место на всеамериканском поэтическом конкурсе журнала «ЗОЖ» в 2004 г. В декабре 2007 г. – 1-е место на 17-м Международном конкурсе поэзии «Пушкинская лира». Член редколлекции ряда периодических изданий. Член клуба Поэтов Нью-Йорка с 2004 г., с 2008 г. – его вице-президент, а с января 2011 г. – президент. Member of International Society of Poets (В 2005 г. награждён кубком и медалью «For Outstanding Achievement in Poetry»). Член американского ПЕН-клуба и Academy of American Poets. Живёт в Рокавей, Нью-Джерси.

Translated from Russian by the author

AUTUMNAL MOOD

Autumn.
There comes one more autumn
bringing gloomy and ominous sleeps.
Blossom...
I love summery blossom,
but forgot the first kiss of spring lips.

Sadly,
just subconsciously sadly
for some reason I can't recognize.
Badly,
like in emptiness, badly,
as if hope and happiness dies.

Cold,
the predictable cold –
you can't put, as a caller, on hold.
Bold?
Hot success loves who's bold,
but who said that you will be enrolled?

Darkness,
there is earlier darkness.
And cooled down sun goes away...
Lightness,
there are light and my lightness –
as my being with you is Okay.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Осень.
Надвигается осень,
навевая угрюмые сны.
Носим,
в сердце лето мы носим,
позабыв первозданность весны.

Грустно.
Всё понятно, но грустно
по причине невидно-любой.
Пусто.
Оглушающе пусто,
будто мы разбежались с тобой.

Холод.
Предсказуемый холод.
И не скажешь ему: погоди.
Молод...
Если даже ты молод –
не уверен, что всё впереди.

Темнь.
Вот и ранняя темнь.
Охладевшее солнце ушло...
Теми,
жив я мыслями теми,
что с тобой мне тепло и светло!

Вячеслав Омский

Пародии

Хорошо или плохо

«хочется просто поговорить даже больше, чем спать странно: вот ничего не болит и на себя плевать...»

Татьяна Некрасова

Возрастное

Страсть как хочется говорить,
А никого вокруг.
Отболело, кого ловить?!
Замыкается круг.

Странно: вчера в моей голове
Вдруг заиграл краковяк.
И чувство такое: меня две,
Я и ещё Шапокляк.

Странно: она сидит во мне,
Не устаёт говорить,
Мол, Гена приходит во сне
И обещает любить...

«осень воняет псиной
бродячим котом
рыбой из магазина
сырым пальто
дрянью заплесневелой
гнилым дождем
боже пошли нам белый снег
с нетерпеньем ждем»

Борис Панкин

**Обонятельные галлюцинации
(Осеннее обострение)**

Кружится осень
в гнилом октябре.
В природе — не воздух,
сплошное амбре...

Нос обоняет —
кругом вонища!
Так плохо пахнут
вещи и пища.

Кому-то осень
радость и нега,
а я, как сволочь,
жду снега...

Из цикла «Деньги и о деньгах»

Граф Монте-Кристо

«Вы о ДЕНЬГАХ?
Да, я богат, не скрою,
Но какой ценою?!»

Фартовый одессит

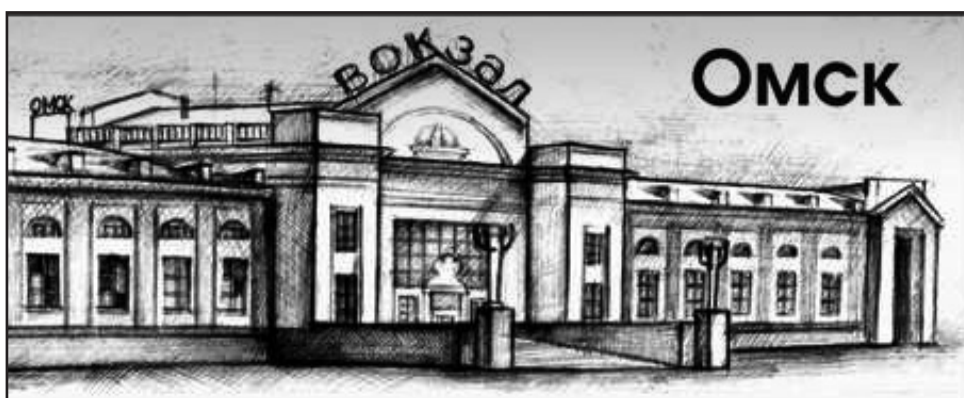
Одесса — мама, жизнь наша шальная!
Сестрёнка Сонька, ручка золотая!
И я, фартовый с юности, брюнет,
Я банки брал, а ДЕНЕГ нет, как нет...

Князь Игорь

«О, дайте, дайте мне свободу
И о ДЕНЬГАХ спою я оду!...»
Но рядом был Кончак
И потому — никак!

Муха-цокотуха

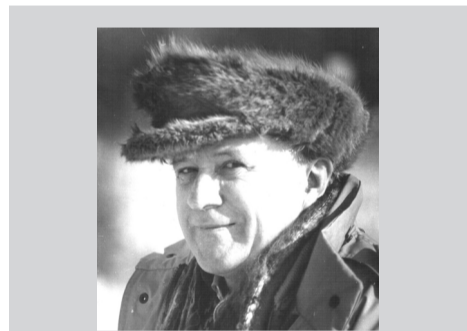
«...Шла по полю и... нашла —
ДЕНЕЖКА лежала.
Я соседей все три дня
Мёдом угощала!»

Валерий Даркаев

Окончил исторический факультет Омского государственного университета, автор двух поэтических сборников: «Проходошь», «Ручейный опояс» и сборника рассказов «Золотой щучий глаз.» Член областного литературного объединения имени Якова Журавлёва.

На озёрную ладошку
Месяц в полночь уронил
Каплю света, будто брошку,
И с водой её сроднил.
Постлань дали черноризной.
Уловив небесный свет,
Озаботилась харизмой,
Потекла встречать рассвет.
С блеском утренним алмазов
Переливчатой росы,
Не каких-то ложных стразов,
А живых в свои часы.
Где-то между листных жилок,
Сродниц — сплошь между собой...
Капнет если на затылок,
Шикнет сразу козодой.
Ветер выбежит весёлый,
Коврик зорьки потрясёт,
И потянут бандой пчёлы,
Воровать пахучий мёд...

Николай Трегубов

Омич, поэт, 1940 года рождения, руководитель областного литературного объединения им. Якова Журавлёва. Главный редактор литературного журнала «Преодоление». Член Союза писателей России. Автор 13 стихотворных сборников. В 1997 году за книгу стихов «Солнечные знаки» получил литературную премию Омской областной администрации. В 1999 году к 200-летию А.С. Пушкина награждён Юбилейной медалью. В 2005 году к 100-летию М.А. Шолохова также награждён Юбилейной медалью.

Бессмертник

Наступает время злое,
Не поправить на ура.
И стоит изныв от зноя,
Дикий страж среди бугра.

Как же выжил ты, бессмертник,
На отравленной земле?
Передохли, мнитесь, черти,
Что теснились в чёрной мгле.

Умирает изумлённый
На плечах горячий день.
Был бугор всегда зелёный,
А теперь черней, чем тень.

Ветер тронул шулговатый,
Тёмной змейкой вьётся яд.
Стебли жёстко угловаты
В небо жаркое глядят.

Куст бессмертно небо чертит,
О пришедшем пишет злей.
Не о смерти! Не о смерти!
О добре и для людей.

Со старыми богами,
Со старыми грехами
Ломаем старый дом.
Со старыми устоями
Мы молвили: — Пустое мол!
И только пыль — столбом.

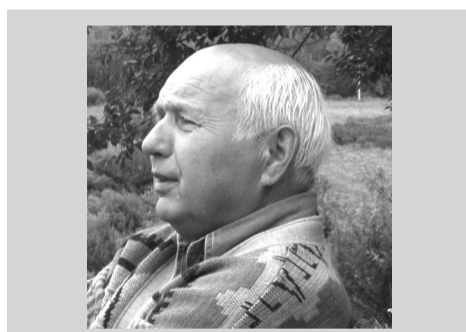
Копилась пыль веками.
Подняли мы руками
Рядно ли, полотно?
Усилия утроили —
Такое мы устроили,
Что стало днём темно.

И стало сразу страшно
За день земной вчерашний...
О чём сейчас глаголишь?
А вдруг всё то, что строим,
Каноны да устои.
Всего лишь пыль? Всего лишь...

Воздух свежий,
Ветерок.
Воду режет
Катерок.

Скрип уключин,
Плеск воды,
В лучик скручен
Свет звезды.

Поцелуй.
Алость щёк.
Почему я
Одинок?

Юрий Кузнецов

Родился в 1939 году в Томске, в семье служащего. После окончания Томского медицинского института, работал в городе Таре Омской области, с 1977 года в Омске. Пишет стихи, музыку, занимается живописью. Автор поэтической книги «И свет, и цвет» (2011г. Омск)

Ностальгия

«Я снова посетил места»,
Что сердцу ближе, чем другие.
Бегут,
Бегут,
Бегут лета.
Они, как плач, как ностальгия.
Натянута, как нерв, струна.
К ней надо только прикоснуться —
Плывут
И звуки,
И луна,
И я смогу сейчас вернуться
В места родные, где я рос,
Где воздух весь пропитан мёдом,
Где мы валялись в сенокос
В траве душистой год за годом.
Да, время мчится, как вода,
А дремота всегда от скуки,
Я свой баян беру тогда,
И душу наполняют звуки,
И не посетуй о судьбе,
Бокал вина с тобой осушим,
Я песню пропою тебе,
И ты меня, мой друг, послушай:
«Я снова посетил места»,
Что сердцу ближе, чем другие.
Бегут,
Бегут,
Бегут лета,
Они, как плач, как ностальгия.

Евгений Асташкин

Журналист. Член Союза российских писателей. Зам.редактора газеты «Омский моторостроитель». Автор книг: «Стробоскоп», «Ждут меня тополя», «Смертельное сновидение», «Ненаречённое», «Солнечный Зайчик».

Семь нот

Семь нот — и зло пред нами ниц,
И отступают все границы.
У нот миллионы дивных лиц, —
Им никогда не повториться.

Семь нот грядут через века,
В них мира трепетность и цельность.
Тяжка их поступь и легка.
Семь нот — какая беспредельность!..

ЯМБ

Возвышенная дивная тональность,
Плен откровенья, мудрости гранит.
Иль — в кружевах оскомная банальность,
Помпезности игривость и овальность.
О пятистопный ямб, что всех манит!..
За лакмус признаёт тебя пиит:
Тобою подчеркнёт он гениальность
Иль невзначай бездарность обнажит...

Евгений Бедненко

Родился в 1932 году в Омской области. Окончил военно-морское училище (Баку), сельскохозяйственный институт (Омск). Работал по специальности геодезия в Омске и республике Мозамбик (Африка). В свободное от работы время ставил спектакли в ДК «Нефтяник» (Омск), в ДК «Строитель». Несколько сезонов играл в профессиональном театре-студии Л. Ермолаевой. Издал книгу стихов «Всякая всячина» 2008г. (Омск)

Молча плакало небо
Из-под серой вуали,
Листья жёлтые в небыль,
Покружив, улетали.

И незримые где-то
Журавли голосили,
Будто тёплое лето
Навсегда уносили.

Опустевшее поле —
Всё, что было, убрали,
Предоставив раздолье
Для глубокой печали.

Ночи стали длиннее,
Люди смотрят угрюмо.
Ночью их одолеют
Невесёлые думы.

И до первой пороши
Время — самая малость,
А о лете, о прошлом,
Только память осталась.

Вот и вьюги запели,
Скоро зверем завоют
И до самой капли
Не дадут мне покоя.

Николай Седов

(Николай Петрович Сидоров) родился в 1949 году в г. Тобольске Тюменской области. Получил высшее образование на филологическом факультете Тобольского педагогического института им. Д.И.Менделеева. Трудовую деятельность начал учителем русского языка и литературы в школе № 2. После службы в Советской Армии, работал на различных руководящих должностях.

Творческая деятельность с 1997 года. В 1999 году он был избран председателем «Союза детских писателей Омской области». Произведения сибиряка публиковались в газетах и журналах городов Красноярска, Иркутска, Тобольска и Омска.

В 2006 году Н.П.Седову присуждена литературная премия им. Петра Ершова. В 2010 году он стал дипломантом международного литературного конкурса «Золотой листопад». Организовал конкурс лучший детский журнал России «Сибирячок».

За пятнадцать лет в печати вышло 76 книг общим тиражом около двухсот тысяч экземпляров.

БУКВА «Р»

Буква ЭР – сплошная мука,
Если встретится в словах.
На меня находит скука
И, бывает, даже страх.

Дети ЭР сказать не могут:
Произносят только ЭЛЬ.
Призываю на подмогу,
Проведём мы с ней дуэль.

Я с сестрёнкой, папа, мама
ЭР бубнили целый день,
Раз пятьсот сказали рама,
Руки, рысь, река, ремень...

Ведь у них и звуки точны,
Речь воздушна и легка...
Все слова, как вишня, сочны:
ЭР – тверда, а ЭЛЬ – мягка.

У меня – хоть тут же лопни!
Я пытался так и смяк,
Хоть пляши, хоть ножкой топни,
Вместо РАК выходит ЛАК.

От зари до тёмной ночи
В доме полный тарарам,
Несомненно скоро очень
Чётко ЭР скажу я сам!

ВОРОБЕЙ

Чики-рики, рики-чики!
Я великий, я великий,
Я великий воробей!
Никого на белом свете
не найдёте вы храбрей.

Не боюсь я пауков,
Тараканов и жуков,
Комаров, пиявок, мошек,
Гусениц, сороконожек...

Если очень захочу,
Всех я разом проглочу!

ЛОСЬ

Чу! Трещит сухой валежник.
Зверь идёт. Вокруг тайга.
Как похожи на подвечник
Лося дивные рога!

Мощной грудью разбивая
Долгий сон густых ветвей,
Он бежит в объятья мая
Под осину поскорей.

В мире нет еды вкуснее!
Пахнет свежестью лесной,
Близок ствол, и тянет шею
Лось за горькою листвою.

ИЮЛЬСКАЯ НОЧЬ

Дышат сеном перелески –
Тут копёшка, там копна...
Паучки в них занавески
Растянули дотемна.

Месяц жёлтый всплыл над стогом,
Аромат его вдохнул:
На ночь всю ночь солдатом строгим
Заступил на караул!

Эльвира Рехин

Первая публикация – в 1955 году. Стихи печатались в коллективных сборниках «Складчина», «Преодоление», «Чужая боль – боль моя», «Эхо войны», «Осенние мотивы», «Омские имена», «В поисках гармонии». Выпустила книги для взрослых и детей: «Понемногу обо всём», «Бежевый лист», «Осенние мотивы», «Слезю упаду», «Дед Пыхто», «Завирушки. Загадки. Считалки», «Жук», «Путешественник», «Эхо», «Дедушка придет», «Ступайте, ножки», «По ягоды». Заслуженный деятель искусств Международной ассоциации «Искусство народов мира».

МАЛИНОВЫЙ ПРАЗДНИК

День объеденья.
Июль. Воскресенье.
В кухне тихонько
Бормочет варенье.
Часики наши –
На стенке петух.
В комнатах бродит
Малиновый дух,
Чай обещает с малиной
и дразнит.
В нашей квартире –
малиновый праздник.

В КУНГУРСКОЙ ПЕЩЕРЕ

В загадочном местечке
Идем впотьмах со свечкой,
На стенах бахрома,
Хрустальные дома,
Здесь сговорились страхи,
Живут и всех страшат,
Ни ящерки, ни птахи,
Ни мух, ни лягушат, –
Такая здесь природа,
Я видела сама:
Противная погода,
И каждый день зима.

* * *

Вот уже
Четыре дня
Я учусь
Седлать коня,
Только все же
Без конца
На седло сажусь
С крыльца.
Мне вослед
Кричит дедок:
«Не позорь коня,
Ездок!»

* * *

Дело к осени – и вот
Запестрел наш огород.
Вдоль тропинки возле дома –
Разноцветный коридор.
Из-под листьев показались
Щёчки красных помидор.

МЕДВЕЖОНОК

Не доволен
Мишка шубой:
Жарко в ней
И сшита грубо.
Говорит ему
Портной:
«Каждый зверь
Хорош собой.
Приглядись-ка:
И кунце
Рысья шубка
Не годится,
Не к лицу,
Наверно, зайке
Бегать
В кошкниной
Фуфайке,
Ты не жадный,
Не плаксивый,
Хоть и толстый,
Но красивый».

Аркадий Кутилов

(1940г. – 1985г.) Проживал в г. Омске.
Выдающийся советский русский поэт.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ АРКАШИ И ЛЕНОЧКИ

Рыдает рояль
и грохочет там-там...
Аркаша с Еленой
бегут по цветам.

За ними погоня,
шаловная погоня:
Бессмертный Кощей
на свирепом драконе!

– «Куда вы идёте? –
их филин спросил. –
До счастья дойти
не найдёте вы сил.

– «О сумрачный филин,
скажи наперёд,
какая тропинка
к любви приведёт?»

– «Идите за этим
смешным стариком, –
он с лесом дремучим
отлично знаком...

Доверьтесь ему
и его топору –
и в рошу Любви
доберётесь к утру...»

К рассвету они
не успели дойти:
им страшный медведь
повстречался в пути.

Но храбрый Аркаша
лишь двинул рукой –
и зверя сразил
стихотворной строкой.

Медведь изумлён!
Он доволен и вот –
Аркашу с Еленой
в берлогу зовёт...

Их поит и кормит –
радёшенек – рад...
А спать уложил
с медвежатами в ряд!

Лишь солнце восток
озарило чуть-чуть,
Аркаша с Еленой
готовятся в путь.

«Идите, идите
к любви напрямик...
Прощайте, друзья!» –
И заплакал старик...

...Прохладно, тревожно
и снова темно...
В волшебном лесу
засветилось окно...

Уютно маячит
в окне силуэт:
там старая Мырма
готовит обед.

–«Аркаша! Елена!..
Я вас заждаюсь...
В избушке моей
отдохните вы влать!»

Покушайте ягод,
халвы и конфет...
А вас я поджарю
себе на обед!»

Снуют упыри
и вампиры кругом...
Аркаша с Еленой
сидят под замком.

Но слава судьбе!
И да здравствует Крот! –
Он сделал подземный
таинственный ход...

...Танцует старуха...
Но щёлкнул замок –
Аркаша с Еленой
вошли в теремок...

Влюблённым и смелым
удача одна...
И Мырме они
отомстили сполна!

– «Не будешь ты, Мырма,
с Кощеем гулять...
Гори-догорай,
И не смей нам мешать!»

Но мырмина дочь
и Горыныч – злодей
задумали месть
для влюблённых детей...

И снова погоня
летит по следам,
и снова грохочет
зловещий там-там...

Да только Аркаша
не Ваня – дурак:
С Еленой он скрылся
в лесной полумрак.

Построил избушку,
и стол, и кровать...
Елену он Леночкой
стал называть.

Но тошно ему!
Он родился в огне...
И новых врагов
Он находит во сне...

Он хочет бежать,
задышаться в пути...
И снова Елену
из плена спасти!

Татьяна Шапиро
Израиль

ШАРИК

А я шарик
Надуваю.
Надуваю я сейчас.
Надуваю, надуваю.
Надуваю целый час!
Надуваю, надуваю
Шарик в день рождения!
-Пффф!-не шарик
Это лопнул,
А моё
ТЕРПЕНИЕ!!!

СТРОИТЕЛИ

Строит Саша.
Строит башню.
Строит башню
Из песка.
Саша строит,
Саша строит.
Тут и камни,
И доска.
Саша строит,
Саша строит,
Строит башню
В каске.
А Алёна тоже строит...
Саше строит глазки!!!

Александр Галютдинов

Профессия - музыкант. До 1990 года работал дирижером циркового оркестра г. Душанбе. Литературой увлекся не так давно. Есть печатные издания. Член союза литераторов. Живу в Рязани.

Влюбленный трамвай

Кончался день развенчанный. Сукном
Укрылись до утра домов коробки,
Замедлил ритм зануда метроном
И рассосались городские пробки.
Осиротел в безлюдье мой квартал
Не слышен шум. Тревожна тишина.
На горизонте плавится металл,
Но лишь полоска яркая видна.

На небе тьма. В отрезке небольшом
Сквозь тёмный шелк,
влюблённым на потеху
Медведица играет ковшом,
Подглядывает Овен сквозь прореху,
Стрелец сбежал за крышу и Весы
Решили взвесить улиц перекрёстки,
А Водолея мокрые усы
Разбрызгали по стенам капли-блёстки.

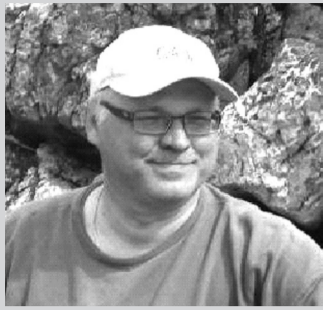
Но резкий звук с оплота тишины
Сорвал покров, пройдясь по перепонкам,
Соиграл с домов причудливые сны
И оказался вдруг трамваем звонким.
Откуда ты полУночный беглец,
Чего тебе в депо своем не спиться,
Не мог же ты и вправду, наконец,
В какой-нибудь другой трамвай влюбиться
И побросав насущные дела,
Разбрызгивая искрами салюты
Умчатся в ночь, как будто позвала
Тебя зазноба с раннего маршрута.

Я прошу у тебя руки

Кто бы мог,
Кто бы смел пусть на миг усомниться,
Что в обилие ног,
В изобилии рук и голов
Не услышать ни песни без слов,
Ни само щебетание птицы,
Ни твой глас в обертоном наряде
Проникающий за суету —
За него,
За твои искромётные пряди
Я готов быть прибитым к кресту.

Не сулит,
Ни чего не сулит мне попутчик —
В толще плит,
В обозримой проекции дней,
Что в побегах за ней
Через воды, сквозь дебри и кручи
Я, прошедший немало границ,
Жизнь терявший не раз —
Утону в потном лике бесстыдных блудниц,
А не водах бездонной
бирюзы твоих глаз.

Или в тьму
Упаду, как истерзанный сокол,
Где в дыму
На бескрайних просторах болот
Чей-то плавают плот,
Но его не пускает осока
К чистой заводи тихой реки.
Вот и мне,
Не лететь с перебитым крылом.
Лишь во сне
Позабыв о былом —
Я прошу у тебя руки.

Гарри Беар
(Игорь Е. Медведский)

Русский поэт и прозаик. Автор романов «Создатель», «Олли, или Новая Лолита», «Альбатрос», «Серая Жизнь»; рассказов и эссе «Смерть музыканта», «Царь Иван», «Странный Дом», «Набакофф», «Студент», «Один среди звезд» и др.; двух книг стихотворений (изданы в 1999 и 2002 гг.)

Поэзия

*«Поэзия ничто не изменяет,
Поэзия живет в долине слов своих...»*
У.Х. Оден

Поэзии присуща простота,
И тяжких мук коварное томленье
Не заштрихует чистого листа,
Пока воспетая поэтом красота
Не потеряет груз людских стремлений.

Ты говоришь: «П о э з и я п у с т а»,
И твой вердикт суровее креста!
Но, находясь в пределах пустоты,
Поэт может решить свои сомненья,
Отлив их в перл чудеснейшей мечты,
Иль подавив опасность вожделья...
Подобного, увы, н е м о ж е ш ь т ы.

А не греховна ль эта красота?
Не страсть ли разжигает она в людях,
Не юные ли души верно губит,
Когда глядит с журнального листа...
Друг, не печалуйся! Подобие скота
Не видит более, чем то дано природой;
Читатель чуткий отличит уродца
От подлинных шедевров! Неспроста
Поэту не опасна н е м о т а.

Поэт, забудь о жребиях земли!
Ты избран Небом! Сердцем не криви,
Пиши, покорствуя порывам вдохновенья,
Иль истинным волнениям любви.
Не проклинай изменчивость Судьбы,
Но стань ей р а в н ы м в ярости борьбы.

Судьба

Что бы ни делал я,
Что бы ни делал ты —
Все это с у е т а,
Призрачный шаг судьбы...

Солнечный света диск —
Это синоним Дня,
Для человека жизнь
Вечная беготня.

Что бы ни делал ты,
Что бы ни делал я —
В мире есть лишь м е ч т ы,
Горы, леса, моря...

Слышится сердца стук,
Сколько еще идти?
Его остановка вдруг —
Время конца пути.

Войны и нищета —
Это конец мечты,
Что бы ни делал я,
Что бы ни делал ты!

Богу твои дела —
Призраки суеты...
Можно кричать: «Алла!»,
Можно садить цветы.

Ночь — это гибель Дня,
Смерть лишь конец Пути,
Что бы не сделал я,
Что бы не сделал ты...

Предчувствие любви

И опять, уже в сотый раз,
Мне вдруг кажется, что я люблю...
И насмешливый взгляд твоих глаз
С ненасытным упорством ловлю!
Между нами граница людей,
А над нами — проклятье племен,
Но тем более лик твой милей
Мне в созвездии э т и х времен.

Ты сейчас от меня далеко,
Но не дальше, чем в небе звезда.
Нам увидиться вновь так легко,
Хотя лучше здесь слово в с е г д а.

Ты готова понять и простить,
Я готов быть с тобою года...
Пусть не сказано нами «любить»,
Но не все говорится ведь, да?

...Вот мы рядом стоим и молчим,
Будто ясно все так, и без слов.
В темном мире сплетенья причин,
Может, Парка нам выткет л ю б о в ь ?!

Прогулки по Аркаиму

Внешний и внутренний круг,
Глухое шептание веков...
Возьми меня за руку, друг —
Ты видишь следы от оков?

Все эти холмы вокруг,
Увы, только тени от гор
Древних и страшных времен,
Ушедших за косогор!
Мы воздухом дышим одним
Лишь с теми, кто был тут вчера,
А и х дыханье, пойми,
Давно поглотила гора!

Река Караганка не раз
Сменила воды свои:
Нам мало что скажут сейчас
Сухие каналы и рвы...
Две дороги к «горам» —
Шаманке и той другой,
Которая даст знать нам
Путь, преддрешенный судьбой.

Друг, может, сделать и нам
Выбор на много лет —
Стать возле края и там
Услышать точный ответ.
И этот вещий ответ
Не Им и не Нам отменять;
Его как древний завет
Следует лишь исполнять.

Возможно, тысячи лет
Ждали мы этого дня;
Вновь мне забрезжил свет,
А ты — обними меня...
Кровь аркаимка во мне,
Страсть аркаимки в тебе:
Мы лишь продолжим и х
Благодаря Судьбе...

Внешний и внутренний круг
Общеарийских веков.
Возьми меня за руку, друг...
Сотри следы от оков!

Марина Рязанова

Молодая крымская поэтесса, чья творческая биография началась ещё в школьные годы и ознаменовалась победами в различных всукраинских и международных конкурсах и фестивалях. Состоит в Крымской республиканской литературной студии им. Н.А. Козьева.

В 2012 г. окончила Таврический национальный университет по специальности «русский язык и литература», в настоящий момент заканчивает обучение в Запорожском национальном университете по специальности «английский язык и литература». Работает методистом в Крымском республиканском внешкольном учебном заведении «Центр детского и юношеского творчества» и корректором в газете «Литературный Крым».

Публикации произведений: альманах фантастики «Фанданго» (2010 №8), сборник поэзии и прозы молодых авторов «Крымская Аврора» (2011 №1), газета «Литературный Крым» и др.

Мироздание

Я теку в эту бездну рекой,
Я ищу в этой бездне покой.
В тишине не бывает тревог —
Только Бог.

Пустоте подставляю лицо,
Растворяюсь в ней нежной пылью,
Так что больше она не пуста —
А проста.

Каждой мыслью своею свечусь,
И кричу, и за криками мчусь
Вверх ли, вниз ли, упав или взмыв,
Словно взрыв.

* * *

Ладанка,
Поле-латанка,
Слышно, как полозы ползают
В груди моей сердце Данко.
Была бы от этого польза.
Иду я — смотрю в сторону.
Там мудрые тени-вороны
Разметили поле поровну.

Поле — ночное озеро
Манит.
Шуршат полозы.
От облаков полосы
Сколько хватает голоса.

От ночи и поля-латанки
Меня бережёт ладанка.

* * *

Я тебя не хочу покидать,
Мир, настигший волною прозрения.
Стыдно, будто я первопреступник,
Словно — в жертву богам —
на костре не я.

Стыдно, будто мелю ерунду
На глазах у придиричивой публики.
Может, с разумом я не в ладу?
Или дырки в руках вместо бубликов?

Только срочно мне нужно уйти,
Хоть на годик, часок, на минутку
Там — дорожки свои доплести —
Доползти и вернуться с попуткой.

* * *

Дух захватило —
Вот это химия!
Линия сердца сцепила сердца
Во что-то целостно-неповторимое,
В то,
Чему не бывает конца.

* * *

Первый на связи.
Первый всегда на связи.
Первый с другими
Теснее и горше связан,
Чем каждый второй
С десятым, седьмым и третьим.
«Первый на связи».
Первый всегда в ответе.

* * *

Замертво
Пали ласточки
На морское дно
Замерли —
Мать-земля морям
Заплатила дань
Заново.

* * *

Стою — просторная моя душа.
Плюются вороны — сыры крошат,
Воркуют голуби — обед в пыли —
Стремилась к Богу в дом, да не смогли...

Стою — просторная моя душа —
Внутри шевелятся тома тишат.
На волю вырваться хотят, поди,
Уж слишком тесно им в моей груди.

* * *

Заголовок в конце?
— Современный этюд.
...Вряд ли может быть понят
И полностью,
Вероятно, его никогда не поймут.
Тем дороже зато modern art
...продают,
Чем он проще теперь
Производится.

* * *

Не будь его женщиной ты,
Не будь ты его до конца,
Он стёр бы тебя с лица
Жизни,
любви,
красоты.

* * *

Внутри меня ниточек-нервов,
Растянутых
на палитре, —
На несколько сот километров
И несколько тысяч литров
Цветного до ряби в глазах.
Неоновая стрекоза...

ИНДИЯ

Светлана Савицкая

КАК ПОПАСТЬ В ИНДИЮ
ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ
НИКИТИНА
РУССКИЙ ЦЕНТР В КАЛЬКУТТЕ
КИПЛИНГ – УРОЖЕНЕЦ ЭТИХ МЕСТ
ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
МИСТИКА ИЛИ СУДЬБА
ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО
ИССЛЕДОВАНИЯ ТАТИЩЕВА
ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СО СЛОНИКАМИ
ОБЛАЧЕНИЕ В САРИ
ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ КАЛЬКУТТЫ
ШКОЛА РАБИНДРАНАТА ТАГОРА
ЗАБАВНАЯ ШУТКА, СЫГРАННАЯ
КАМАСУТРОЙ
ЗАЗЕРКАЛЬЕ УБРАНСТВА ХРАМОВ
РОЗА В РУКЕ
РАССВЕТ НАД ГАНГОМ
ЧЕМ ТУТ КОРМЯТ
ТРАДИЦИИ БОЛИВУДА
ОСТАНЬСЯ!

...Вдруг появилось третье измерение. Предо мною на коленях сидела сотня, не меньше, молодых прекрасных Кришн с лучезарными глазами и белоснежными улыбками. Они с трогательно-обнаженной любовью, неприкрытой выкрутасами этикета современной цивилизации, пронизывали милостью доброжелательных взглядов. И с таким восторгом слушали притчи, что сердце навстречу им полностью раскрылось цветком белоснежного лотоса. Я почувствовала себя одной из них. Отделилась от стола, и села прямо на пол в самую гущу подростков, не отрывающих от меня прекрасных глаз. Пространство вдруг чрезвычайно уплотнилось. Я почувствовала себя иглоу, воткнутой в... Солнце! Дети в дальних уголках комнаты повскакивали протуберанцами с мест, чтобы это видеть. Те, что оказались рядом, жалась ко мне огненной спиралью. Они что-то восклицали на бенгали. Их красивые чуть ли не кукольные индийские глаза расширились максимально от удивления. Наверное, я сделала что-то не то, что-то не так, как здесь принято, потому что на секунду умерла от счастья...

КАК ПОПАСТЬ В ИНДИЮ

Изо дня в день, а может, из жизни в жизнь, ищем мы ответ загадки плоти, крови, духа. И невольно оборачиваемся всем существом в ту сторону, где на полуострове Индостан сохранили жители Свет древних культур.

И тянутся паломники, чтобы понять, постичь, а то и просто прикоснуться к тайнам: таким невероятным и таким удивительным.

Консульство Индии любезно встретит, и симпатичный индеец поклонится у входа. Нехитрые требования к документации – стандартный набор документов, обозначенных на сайте консульства. Если вы обозначили правильно в режиме ОНЛАЙН, предъявили бронь на гостиницу и перелет, через три дня в вашем загранпаспорте появится нашивка с фотографией, а вы получите официальное разрешение. Это виза.

Можно отправиться из Москвы прямым рейсом. Но, как правило, они дороги. Стандартный вариант – лететь через Катар или Дубай.

Я подумала, глупо сидеть и ждать транзит пять часов в Дубае до Калькутты, приняв решение, посмотреть еще одну страну и на обратном пути задержаться там денек на три. Поэтому параллельно с визой в Индию пошла работа с оформлением визы в Арабские Эмираты. С одной стороны это оказалось проще, так как паспорт не держат неделю, или три дня, а отдадут сразу турагенту. С другой сложнее, так как пятница выпала на священный праздник, суббота и воскресенье они как-то там молятся и вообще не утруждают себя телодвижениями. В понедельник полдня раскаиваются. А иногда и сайт зависает. Остается в неделю рабочего времени три с половиной дня. Но, справедливости ради сказать, консульство работает, как часики. Туристов, особенно из России летит тьма. И если вы попадаете в вилку «полезного промежутка», за неделю можно оформить две визы одновременно: в Индию и АРЭ.

Консульство Индии наиболее демократичное у нас в Москве по сравнению с конторами других экзотических стран. Работают они как в будние дни недели, так в субботу и воскресенье. В Индии 1000 Богов. Они и сами порою в затруднении – кому молиться! Это вам не Дубай с его верным единобожием!

Что меня слегка тревожило, все знакомые и все знакомые знакомых, побывавших в Индии, переболели какими-то экзотическими бо-

лезнями. Информация о Калькутте была столь минимальной, что в мозгу дикими огоньками светились «пугалки» типа: «туда не ходи», «там не стой», «этого не ешь»... сотни запретов с частицей «не» и ни одной полезной рекомендации! Я жадно проглядела доступные фото в интернете. Прочла реплики туристов, охотящихся за праной и тайнами сикхов. Да еще попался на глаза отрывок о торге из книги Марии Арбатовой «Дегустирова Индию», который помог мне после быть более практичной на восточных рынках. Я набрала в достаточном количестве одежды и обуви, чтобы оставлять на месте после посещения наиболее опасных для здоровья мест. Взяла по обыкновению запас сухой еды и кофе. И правильно сделала!

Душа моя не знает чувства страха. Но. Когда я увидела, что арабский лайнер международного уровня опускается в черные тучи, обрывками прикрывающие разрушенные пятиэтажки, заросшие джунглями, мне стало, честно скажу, жутковато. Боже мой! Это не крыши! Это кошмар! Создается впечатление, что с пятиэтажек гигантской клейкой лентой содрали кожу!

- «Индия! Мы с тобой одной крови! Ты! И я! Моя добыча станет твоей добычей!» - невольно вырвались у меня слова Киплинга.

И Калькутта бережно приняла в свои жаркие влажные объятия мою грешную душу сауной комариной дельты Ганга сезона дождей.

РЕКОМЕНДАЦИИ ИВАНА

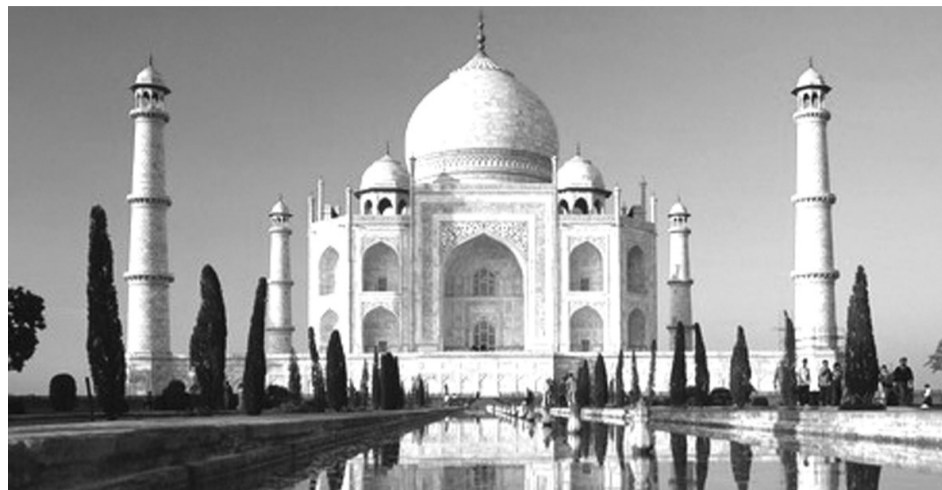
Хорошо, когда вы летите не на «деревню дедушке», а предметно на осознанные мероприятия. Хорошо, когда встречают друзья из русско-го консульства, и вы оказываетесь под защитой. Хорошо, когда предупреждают, пусть резковато, но категорично, что можно, а что нельзя.

Мы мягко садимся. Видим что-то наподобие грязного сарая или барака, хуже даже, чем в аэропорту чешской Пардубицы! Низкие своды. Серые грязноватые колонны. Бетонный пол. Ангар, а не аэропорт. По стойкам, где принимают паспорта ползают тараканы!

Медленно передвигаюсь в колбасе еще более медленной людской массы, впрочем, все мне дружелюбно улыбаются. Говорят по-английски.

Русский Дом в Калькутте назван Домом культуры имени Максима Горького. Звучит это как «Горький Садан». Это одномоментно и адрес. И предназначение. И в какой-то степени судьба. Меня обещался встречать Александр Васильевич Мазирка, директор нашего РЦНК в Калькутте. Но вместо него я увидела сразу же в проеме аэропорта работника нашего консульства. Он отличался от темнокожих малорослых местных жителей, как русоволосый великан от армии говорливых гномов. Иван ловко заполнил длинные какие-то бумаги на английском о культурном обмене «Россия-Индия», и мы замерли среди местных жителей, обремененных перелетной кладью в ожидании чемоданов у багажной ленты. Ждем бесконечно долго. Индийцы уже прилетели и никуда не торопятся. А те, что разгружают ланер не торопятся вообще. Они уже здесь. И то, что в Москве происходит за 10-20 минут, здесь 2-3 часа.

Иван, бравадно улыбаясь, рассказал, что вчера в Калькутте плыл во время ливня по самым бамперам и еле добрался до нашего посольства. Рассказал, что алкоголь употреблять бесполезно. Он совершенно не убивает бактерии и вирусы местности. И даже острый перец, а в Индии пища самая острая на земле, не способен уничтожить многие возбудители смертельных болезней.

Глаза мои постепенно округлялись от услышанного. Но все, что говорил наш соотечественник, врзалось в мою голову, как безукоснительные постулаты выживания. Первое и важное правило – не пить воду из-под крана! В ней водится в огромном количестве какая-то амеба. Тварь эта простейшая мгновенно попадает в почки, парализует печень, мозг. Результат – летальный исход.

Второе – самое опасное место в Калькутте для европейца – Ганг. Не смотря на открытую добычу серебра и соответственное обезвреживание воды, нечистоты в реку ежедневно попадают со всей Индии. Калькутта расположена в дельте могучей легендарной реки. Соответственно городу достаются все сливки местной экзотики. После кремации сжигается не все. У жителей Индии зачастую нет денег на дрова. Результатом «священного омовения» в Ганге может стать лепра, по-простому – проказа. Результат – смертельные участки кожи и летальный исход.

Продавцы мелких ларьков пиши имеют привычку справлять нужду тут же. Мыло при этом отсутствует. Санитарных правил они не знают. Любая покупка любой еды на улицах, не прошедшей тепловую обработку, повлечет результат – желтуху, дизентерию, другую неизвестную науке кишечную инфекцию. Результат – летальный исход либо длительный стационар на Соколиной горе.

Речная рыба в Ганге есть, но зараженная немалым набором глистов, от аскариды человеческой и лямблий, живущих в печени с миллиметр величиною, до девятиметрового бычьего цепня, представляет не меньшую опасность. Попьете молока или отведасте сырных шариков – соответственно тиф.

Может укусить мангуст. Результат – бешенство. 40 укулов в живот. Либо летальный исход.

Главное не наступить на ядовитую змею. Укус кобры – летальный исход. Противоядия здесь зачастую нет. Если вы уьете змею, вас тут же могут поджечь. Ведь вы убили священное животное! Со скорпионами случаи аналогичны.

Если вас укусит маленький комар, это к гадалке не ходи – малярия. Тут уж пятьдесят на пятьдесят – выживите или пару недель будете трястись от лихорадки в сорокаградусном бреду.

НИ К ЧЕМУ НЕ ПРИКАСАТЬСЯ!

Если это произошло, сразу же необходимо обработать поверхность специально продаваемым в бутылочках раствором со сладковатым запахом. Не очень противным. Но приторным. Запах этот, как запах хлорки в наших больницах, не выветривается ничем. Он составляет одну из наиболее характерных составляющих букета запахов Калькутты, который, если день подышишь, не забудешь никогда и не перепутаешь ни с чем!

После контакта с рупиями или другими деньгами – обрабатывать руки особенно тщательно!

Не заходить в храмы босиком. Кожные заболевания стоп ног не вылечит ни одна европейская клиника!

Не входить в сексуальный контакт с местным населением. «Меню» венерических заболеваний после практического изучения поз «КамаСутры», исторического документа родившегося в этих местах, зашкаливает за рамки воображения.

Не нюхать экзотические цветы на деревьях! Мельчайшие насекомые, обитающие в них, проникнут через носдри прямо в мозг – летальный исход обеспечен!

- А что можно? – робко спросила я.
- Очищенную воду для кипячения вам выдадут в вашем номере, и советую пить только ее, - загадочно произнес Ваня, и, подумав, хитро спросил, - вы не будете покупать в ДьютиФри спиртное и сигареты?

- Я везу достаточно подарков, - удивилась я вопросу.

-Тогда позвольте воспользоваться вашим паспортом. Только в аэропорту в одни руки можно получить две бутылки и блок сигарет. В Калькутте это стоит баснословные деньги!

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ
АФАНАСИЯ НИКИТИНА

«...Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море — Дербентское, дарья Хвалиская, второе море — Индийское, дарья Гундустанская, третье море — Черное, дарья Стамбульская...»

С одной стороны мало что изменилось в Индии с пятнадцатого века, как побывал там наш купец Афанасий Никитин. А с другой — очень многое. Что такое пять веков? Да ничто — пять жизней по сто лет! Я не имею в виду поколения. Артисту Зельдину, что играл в фильме «Свинарка и пастух» почти сто лет. Пять жизней Зельдиных, или десять Светлан Савицких — вот вам и времена Никитина...

«В год 6983 (1475) получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года, а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне — за год до казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву, дядку великого князя...»

Изменилось то, что Англия тяжелой поступью прошла по городам и дорогам священной Индии. Повывокывривала драгоценные камешки на храмах. Поналажила в банки и кубышки злата-серебра. Привнесла лепту свою в изменении общих декораций полуострова и мировой цивилизация. Но, что не изменилось — расслоение меж кастами. Манера одеваться в сари и легкие одежды(жарко). И самое главное — внутренний свет, приветливый и какой-то детский, доверчивый, ласковый. Я бы сказала божественный. Удивительный. Чистый.

Художественный фильм о «феномене хождения», главную роль в котором сыграл Олег Стриженов, до сих пор тягучей истомой пробуждает неподдельную и мощную тягу к далекому полуострову Индостан. Снят кратко и схематично. Добавлена любовная история, выдуманная режиссером. Соблюдена лишь общая сюжетная линия.

Откроем же трепетно страницы первого путешественника и «журналиста». Да, в путевых заметках много внимания уделяется описанию товаров и ценам на товар.

Но и передана главная задача героя — ознакомиться с другой страной, не только в роли купца-торговца, но и как исследователю, первооткрывателю. Черты социалистической непорочности «русо туристо облюбо морале», присущие Афанасию в художественной киноленте, развенчиваются, когда мы изучаем первоисточник.

Интересные заметки самого Никитина, они дают нам право сейчас рассуждать, что причиной смерти явилась его любознательность и, как бы это проще сказать — бытовое бесстрашие. Индийская пища и индийская земля таит для любого европейца массу смертельных опасностей, как я уже говорила. Одна из них, скорее всего, и явилась роковой.

Никитин о моде пятнадцатого века:

«...И тут Индийская страна, и люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети рождаются каждый год, а детей у них много. И мужчины, и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много — дивятся белому человеку. У тамошнего князя — фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних — фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят — фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да шит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А женщины ходят — голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт...»

Никитин о местных преданиях:
«...А еще есть в том Аланде птица гук-гук, летает ночью, кричит: «кук-кук»; а на чьем доме сядет, там человек умрет, а захочет кто ее убить, она на того огонь изо рта пускает. Мамоны ходят ночью да хватают кур, а живут они на холмах или среди скал. А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он посылает на обидчика свою рать и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой...»

Никитин о кастовом расслоении:

«Земля многолюдна, да сельские люди очень бедны, а бояре власть большую имеют и очень богаты. Носят бояре на носилках серебряных, впереди коней ведут в золотой сбруе, до двадцати коней ведут, а за ними триста всадников, да пеших пятьсот воинов, да десять трубачей, да с барабанами десять человек, да дударей десять. А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то за ним всадников десять тысяч следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести и все в золоченых доспехах, и перед ним — трубачей сто человек, да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, да сто обезьян, да сто наложниц, гаурьки называются. Во дворец султана ведет семь ворот, а в воротах сидят по сто стражей да по сто писцов-кафаров. Одни записывают, кто во дворец идет, другие — кто выходит. А чужестранцев во дворец не пускают. А дворец султана очень красив, по стенам резьба да золото, последний камень — и тот в резьбе да золотом расписан очень красиво.

Индусы быка называют отцом, а корову — матерью. На помете их пекут хлеб и кушанья варят, а той золотой знаки на лице, на лбу и по всему телу делают. В воскресенье и в понедельник едят они один раз на дню».

Никитин о местных нравах:

«В Индии же гулящих женщин много, и потому они дешевле: если имеешь с ней тесную связь, дай два жителя; хочешь свои деньги на ветер пустить — дай шесть жителей. Так в сих местах заведено. А рабыни-наложницы дешевле: 4 фуны — хороша, 6 фун — хороша и черна, черная-пречерная амьюк маленькая, хороша...»

Текст «Хождение за три моря» полностью есть на сайте: <http://pegorus.ru/f/2012/11/06/хождение-за-три-моря-никитин/#more-77>.

И с ним можно легко ознакомиться. Что же было в наших поездках-походах похуже?

Да. Волосы мои, как у Афанасия, русые от природы, выгорели на солнце, стали совсем светлыми. И местные жители воспринимали их, как нечто необыкновенно-священное. Часто замечала я в общественных местах, как чьи-то руки легонько касаются волос сзади, нашептывая непонятные слова, а когда оборачивалась, видела восхищенные взгляды.

Да. Люди бедные до сих пор босы. Малорослы. Черны. Да обеспеченные ездят на серебряных повозках. Да, золочены, вычурны и вызывающе богаты храмы. Да, с малолетства девочки могут быть брошены в потребительскую мясорубку из-за собственной нищеты. А то и сожжены во время обряда Сати в обнимку с умершим, разложившимся от жары мужем, и брошены в Ганг на съедение жирных крокодилам.

РУССКИЙ ЦЕНТР В КАЛЬКУТТЕ

Иван достаточно быстро преодолел на машине с посольскими номерами путь от аэропорта к месту моего дальнейшего пребывания.

Первое, что бросилось в глаза — обилие желтых такси, гудящие, как сумасшедшие с поводом и без повода. Помытые от частых столкновений автобусы без окон. Задние подфарники машин в металлических сетках, чтобы не побились. Поток, двигался со скоростью бегущего рикши, 7 км в час. Жители Калькутты (теперь она называется Колката), демонстративно не соблюдают правил дорожного движения. Они ходят по проезжей части с важностью слонов или коров, переходят улицу, где им вздумается, совершенно не обращая никакого внимания на озверелое гудение автомобилистов. Наверное, на них действует дикий жар и дикая влажность. Я ужаснулась антисанитарии. Город как бы расслоен по вертикали. На обочинах — горы многолетнего гниющего мусора. За мусором на тротуарах живут, едят, готовят, ремонтируют обувь, стригутся, купаются под уличными колонками, справляют нужду уличные люди. Там же они на трюпиках устраиваются на ночлег. Над ними на первых, вторых этажах живут более обеспеченные, те, у кого есть возможность содержать рекламную растяжку три-на-пять и приспособить ее на занавес от солнца и дождя. Над этим ободраным слоем живет еще один слой, вывешивающий постиранную одежду в виде длинных сари и серых штанов. Среди пестроты и бедноты вдруг да и мелькнет богатенький особнячек, огороженный высоким забором. Или храм, еще более богатый, но опять же за забором, еще выше простых городских.

- А, если мы кого-нибудь задавим невзначай!?! — испугалась я, глядя, как Иван ловко лавирует между такси, рикшами, белыми горбатыми коровами и индианками с детишками («на перевес»).

- Тогда нас тут же подожгут и замучают до смерти. И машину сожгут аналогично. Поскольку, если бы мы убили живого человека, значит, в нас бы как бы вселился бес, а с бесами здесь справляются быстро!

- Ни чего себе, город древних легенд! Я его как-то представляла не так...

- Не помню, кто сказал, - засмеялся Иван, - но мне очень понравилось выражение: «Калькутта — тот же Лондон, только после ядерного взрыва»...

После слова Лондон, я взглядела на декорации повешенных повсюду старых баннеров и тряпок. И — о Чудо! Действительно обнаружила за ними стены вполне цивилизованных зданий, только давно не ремонтируемых. Вспомнил мультфильм о Маугли и заброшенный в Джунглях замок, заполненный бандерлогами.

А тут в реале и вполне органично среди тропических деревьев и истлевших дорог — недавно процветающая цивилизация, зарастающая баньянами! Да обалдеть!

Она выглядывает из толп людей останками домов, местами с выбитыми кирпичами, покосившимися фасадами. Иногда облезлые кирпичи красят поверх какой-нибудь необычайно яркой краской, типа жилец этого куска дома решил сделать косметический ремонт... Но еще раз говорю — вдруг среди людских джунглей проступает вполне цивилизованное здание. Краски в Индии не жалуют. Для покрытия используется ярко-розовая или оранжевая или салатно-зеленая. Или бордо! Или вообще смесь всего это и плюс золотое покрытие, если это какой-нибудь храм!

Через полчаса дороги гудение машин вибрировало в моих ушах, легких, мозгу и печени. Гудение на самых повышенных тонах. Я это говорю снова и снова, потому что это не нормально. От гудения мозги сворачиваются, как сворачивается в кипятке белок!

Гудение в Калькутте, а я этого не знала, начинается с 5 утра и заканчивается в 2 часа ночи. Но тогда откуда-то выползают вороны и начинают агрессивно каркать. Шум сначала кажется навязчивым. Потом к нему привыкаешь. И к вечеру, задавая себе вопрос, отчего это так болят виски? — понимаешь, что это просто гудят-гудят-гудят как бешенные такси! Под их аккомпанемент я начинала свои выступления и заканчивала. Под них люди выступают у микрофонов. И от гудения в Калькутте совершенно не спрятаешься ни скрывается, точно так же как от всепроникающего смрад копившейся веками органики, сильно похожей на запах гниющей картошки.

Вот в такой вот «обстановке, приближенной к боевой», окруженный опасностями и смертельными опасностями, Александр Васильевич Мазирка прожил благополучно 4 года. В штате один индеец, около 20 человек. И ни одного русского лица, кроме гостей из консульства! Как ему это удалось — одному Богу известно, Иисусу Христу, и еще 1000 Богам индийским. Когда мы, наконец, встретились, он сообщил, что в центре 4 человека заболели малярией, и что повара по этой причине не будет. Что в консульстве женщина заразилась тифом. И еще там убили ядовитую змею. Но так, как она приползла на территорию РФ, то индеец с русскими ничего не учинили.

В это время очень красивые стройные охранники в прекрасной сидящей на них форме цвета хаки с молоком, обыскивали низ машины миноискателем на предмет обнаружения мин... Это происходило потом ежедневно и к данной процедуре мы все привыкли. Но в первый день я взглядела на необычайно красивые индийские лица до неприличия, долго задерживая взгляд. Им очень идет военная форма, хотя я не припомню исторических фактов, чтобы Индия на кого-то нападала...

Я также узнала, что сам центр — два достаточно больших здания, соединенных меж собою переходами. Забор высоченный. А над ним еще — колючая проволока.

На этажах есть классные комнаты, залы, кабинеты и прочее. Есть небольшое общежитие для сотрудников. Во дворе чудесный тропический сад, где масса настоящих пальм и деревьев, покрытых ярко оранжевыми, ярко желтыми, и ярко розовыми шарами цветов, нюхать которые категорически запрещено. Среди кустов и деревьев прыгают резвые такие зверьки, похожие на бурундучков и на белок одновременно, я их назвала крысобелы. Летают экзотические бабочки, и естественно, мелкие серенькие такие малярийные комары. Поэтому окна открывать запрещено! Когда-то на крыше был бассейн. Но трубы прогнили. Здания построены давно, еще при союзе. От влажности и сырости местного климата, они пропахли навсегда испарениями тропических суспензий, потеряли прямолинейность, осели и деформировались в проемах. Картинки, развешенные по стенам, корежит влагою уже через часок-другой. Жара «демонтирует» все клетки организма и мозга, как будто и в ее составе есть какая-нибудь вредоносная амеба, или «туфелька обыкновенная», грызущая подряд все мембраны. Поэтому первым делом Александр Васильевич показал мне мои прохладные апартаменты. Отдельное помещение в центре, включающее прихожую, зал, туалетно-ванную комнату, кухню, предспальню и спальню.

В кухне я радостно обнаружила две пятилитровые бутылки очищенной воды, установленные друг на друге с крантиком внизу. Ура! Жить будем!

В спальне — кровать, застеленная новеньким, не пропитанным влажностью бельем, только что купленным и выкрашенным оранжево-синей краской на манер батика. С кондиционерами разобралась быстро. Тот, что в зале, работал теперь постоянно и гонял прохладный воздух круглосуточно. Тот, что в спальне я включала, только когда уходила по разным встречам с читателями и местным населением, потому что он гудел чуть громче, чем такси на улице. А спать иногда все-таки хотелось.

Я решила совершенно не пользоваться водоем из-под крана. Омывала тело и кипятила кофе, очень экономно используя десятилитровую пагоду из бутылей питьевой очищенной и отфильтрованной воды. Даже два раза умудрилась помыть волосы шампунем. Ела исключительно мало. Пила еще меньше. Сделала ловушку для мелких злобных муравьев, они

здесь иногда выедают спящим людям глаза. И ловушка моя была установлена на кухне далеко от спальни.

За неделю сбросила килограмма три. Но есть и не хотелось. Ни жара, ни влажность, ни запах Калькутты аппетита не способствует. Я стала очень хорошо понимать местных ёгов, и как ни странно, орхидеи, пристроившиеся на вековых баньянах и берущие влагу из воздуха. Этажом ниже в коридоре возле квартиры директора жила симпатичная ящерка хамелеон. На белом она — белая. На черном — черная. Достаточно крупная особь, откормленная на вредоносных насекомых. Александр Васильевич показал ее после захода солнца, когда ящерка выползла из-за картины на охоту.

КИПЛИНГ — УРОЖЕНЕЦ ЭТИХ МЕСТ

Не думаю, что кого-либо из детских писателей любила в школе больше Киплинга. А Маугли! Ох уж этот Маугли! Мультфильм, выпущенный в России, произвел на детское воображение мое и моих школьных друзей впечатление волшебства и мастерства и экзотики. Он буквально завораживал!

Киплинг родился в Бомбее. И естественно, знал Индию и ее обычаи. И многое почерпнул в своем творчестве из этих мест, являющихся его физической родиной.

Правление англичан оставило после себя не только добротные дома и некую инфраструктуру. Нашествие принесло для этой страны кое-какие принципы, повлиявшие на частичное обрушение кастовости, ввело элементы христианства, повлияло на моду. Не будем считать потери индусов. Они велики, как бываю при любой оккупации. Естественно, варварски велась добыча драгоценных металлов и камней, других материальных ценностей. Выворачивались, как зубы белых кобр, традиции древних волхвов-хранителей.

Мне были интересны следы, оставленные англичанами в Калькутте. Первым делом, естественно, книжные магазины. Нет. Англичан там не любят. И Киплинга не знают.

А вот английское кладбище содержат исправно. За высоким забором. И с охранниками. Висит табличка — Фотографировать запрещено! Но английский язык я «не понимаю». Поэтому остолбенев от удивленного, и ошарашенная могильниками, тут же достаю верный «Люмик». Что ж такого удивительного может быть здесь, чего нет у нас там?

А вот что.

За пятиметровым, а может, семиметровым забором на могилах «великих» завоевателей стоят высотой с пятиэтажный дом узкие пирамиды. Иногда беседки с высочайшими колоннами. В сравнении с ними я — муравей! На этих самых громадинах высечены символы самых разных мasonicких лож. Весьма узнаваемого, что встречалось мне в музее масонства в Брюсселе. На стелах Парижа. В некрополях Москвы...

На территории английского кладбища — никого кроме нас. Величина обелисков, тесно настроенных «плечом к плечу», глушит гудение машин. Они улетают высоко в небо. За деревья. Чуть ли не за облака. Вычислила автоматический величину жизни тех, кто под камнями: 25-30 лет! Это ж сколько денег наворовать надо, чтобы хоть одну стелу построить! Вековые камни покрыты зеленым мхом. Деревья подымают надгробные плиты мощными корнями, топорща древние тропы. Всеми своими энергетическими посылами камни прогоняют нас. Змеи расползаются в разные стороны. Каркают одинокие вороны, посверкивая фиолетовыми глазами. А вот малярийные комары, пользуясь случаем, тут же впиваются в руки. Шлеп-шлеп — два, три трупика, не долго дергаясь замерли на коже. Хорошо, есть с собою чудодейственная суспензия, обезвреживающая эту дрянь.

Мы быстро покидаем проклятое место, забко поеживаясь.

Но увиденное так резко врзается в воображение, что не думать об этом я не могу. Киплинг. Масонские памятники. Англия. Серебряные фляги, чтобы не заразиться местными болезнями и не умереть. Но вот они свидетельства ранней гибели офицеров и солдат и леди и, судя по всему верхушки, стоявшей у власти оккупантов.

Ночью в Калькутте спать невозможно. Или машины гудят. Или вороны каркают. Поэтому, уходя ненадолго от усталости в небытие, снова и снова приходится возвращаться в действительность, чтобы анализировать увиденное.

Киплинг. Его «Маугли» я помнила с детства почти наизусть. У соседей был проигрыватель и пластинка.

И начало очень похожее на Булгаковского Мастера: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат».

Что-то вертится совсем рядом. Что? Может быть вот это? Это же самое начало Маугли!

«Было семь часов знойного вечера в Сионийских горах...» Что за Сионийские горы такие? С названием города, введенного в сказку Яно Удайпур, скорее всего Джайпур. Река Вайнганга есть Ганг...

При первой же возможности вхождения в интернет, набираю строку «Киплинг-масон».

Вижу открытую информацию Википедии: «По данным английского журнала «Масонские Иллюстрации», Киплинг стал масоном при-

мерно в 1885 году, за шесть месяцев до обычного минимального возраста (21 год). Он был инициирован в Ложу № 782 «Надежда и Настойчивость», расположенную в Лахоре. Позже он написал в лондонской «Таймс»: «Я был секретарем ложи несколько лет...», в которую вошли братья по крайней мере четырех вероисповеданий. Я был введен [в Ученики] членом Брахмо Сомадж, индусом, повышен [в степень Подмастера] мусульманином, и возведен [в степень Мастера] англичанином. Наш Привратник был индийским евреем. Киплинг так любил свой масонский опыт, что запечатлел его как свои идеалы в стихотворении «Материнская Ложка». Входил в Ложу «Строители Совершенного Города» № 12, Сан-Омер, Франция».

Таким образом, после Калькутты сказка о Маугли воспринималась уже иначе. Дешифровку можно начать с элементарных вещей. Итак. Кто «ввел», кто «повысил», кто «возвел», и кто был «привратником»? Четверо. В сказке они обозначены, как мать «Ракша-сагана», Багира, медведь Балу и мудрый питон Каа. Стало быть, обезьяны, это местное население — бандерлоги. А автор произведения, не кто иной, как сам Маугли. Так о чем там еще «гласит Закон «джунглей»?

«Закон Джунглей говорит очень ясно, что каждый волк, обзаводясь семьей, может покинуть свою Стаю. Но как только его волчата подрастут и станут на ноги, он должен привести их на Совет Стаи, который собирается обычно раз в месяц, во время полнолуния, и показать всем другим волкам. А Закон Джунглей говорит, что если поднимется спор о том, можно ли принять детеныша в Стаю, в его пользу должны высказаться по крайней мере два волка из Стаи, но не отец и не мать. Так Лягушонок Маугли был принят в Сионийскую стаю — за буйвола и доброе слово Балу».

Наверное, время смонкт надгробие над этой темной историей. И мы никогда не узнаем, каким был «буйвол», надо понимать, размер вознаграждения, помогший «лягушонку» досрочно попасть в сионистскую «Ложу № 782 «Надежда и Настойчивость», расположенную в Лахоре».

Знаменитую свою сказку «Маугли», наполненную в каждой строке символами, смыслами и смысловидениями, Редьярд Киплинг создал достаточно зрелым человеком после 30 лет. Я всю жизнь восхищалась ею. Но Ключ к дешифровке получила только здесь. В Калькутте. На английском кладбище. Имея ключ, можно открывать им абзац за абзацем, главу за главой. И слово за словом, камень за камнем великого магистра каменщика — и выстроится призрачный замок. Ведь сказка «Маугли» была еще и извинением великой стране Индии, его Родине, за то, что он не только волк свободного племени, иными словами индийский свободный масон, но и урожденный англичанин. И должен «уйти в свою стаю». Так и случилось. Редьярд умер в Англии, объездив весь мир. Его фраза перед смертью: «Раньше я думал, деньги — самое главное в жизни. Теперь, умирая, я знаю это наверняка!»

Так что же важнее: деньги или сказки? Сказки или деньги? Киплинг все-таки прав. Важнее — деньги! Их надо много, чтобы собрать по золотым крупичкам все сказки древней Индии, Мексики, России — сказки всего мира! Спасибо тебе, лягушонок Маугли! Ты на многое открыл мне глаза!

ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО

Индия приваживала и приворачивала писателей, как взгляд старой мудрой кобры певчих птиц. Вспомните загадочного и потрясающего таинственного капитана Немо! Да-да! Автор множества фантастических произведений, любимый всеми Жюль Верн намучился над созданием этого образа не на шутку! Сначала капитаном Немо был выбран польский повстанец. Было изначально ясно, что произведение ярко окрашено в политический мотив. Но поляки, расположенные рядом, не являлись столь таинственными. Их вечные распри с Россией, а тут еще 60-е годы. Вспомните у нас в это время как раз возбухала идея отмены Крепостного права. Герой романа поляк непременно должен был бороться против врага России и ее угнетателей. Но политическая ситуация в мире менялась быстрее, чем издатель мог найти средства на выпуск книги. И Эцгелю идея не понравилась. Тем более, что Франция уже заключила с Россией перемирие. И цензура наверняка бы не пропустила такую книгу.

Жюлю Верну ничего не оставалось делать, как обратить взор на Индию, и сделать своего Немо индийским принцем Даккарном, некогда возглавлявшим восстание силаев против английского владычества. На этот раз прототипом явился живой человек. Но как выяснилось, он никогда не интересовался инженерией. А лишь выяснением политических и военных отношений.

Интересную версию происхождения персонажа дает журнал «Следопыт» ТЕМА «Путешествия ИНДИЯ» в статье Галины Яковлевой «Два капитана».

«Существует версия, что изобретателем Наутилуса является духовный учитель четы Рерихов махатма Мория. Буддисты полагают, что в пространстве нашего физического мира существует еще один, который называется Химават. Его населяют бессмертные святые, помогающие человечеству на эволюционном пути. Один из таких святых — махатма Мория».

Продолжение. начало на стр. 10

МИСТИКА ИЛИ СУДЬБА

Как я лично попала в Калькутту, до сих пор чудно и странно. Мистика сопровождала с самого начала. Международный конкурс «Зеленая планета» ежегодно одной из номинаций делает для школьников предложение – сотворить куклу, нарисовать рисунок, сделать фото, аудиопостановку и видео к моим сказкам. Накопился некий контент, где всего этого много. Победители конкурса только в 2012 году были награждены 100 дипломами и 17 кубками Гран-при. Всего в проекте задействовано 20 миллионов школьников. Куклол приходило – превеликое множество. Объемно говоря – комната. И куклы те одна лучше другой.

Поделил, рисунки, фото и куклы детей украшают уже 15 музеев. Знакомые порекомендовали отвезти в подарок русскому центру в Калькутте часть коллекции. Я была не против. Но и до конца не верила, что желаемое реализуется в полном объеме. Где брать средства на перелет?

И тут случилось побывать в мастерской знаменитого художника Никаса Сафронова. Честно признаюсь, не хотела я к нему идти. И если еще честнее, совершенно не хотела. Затасила меня насильно Вера Хамидулина из Татарстана. Она с Никасом книгу совместную выпустила. И остановилась у меня. Это как в Библии: «и ожесточил Бог сердце фараона, и не пускал он евреев из Египта». Не знаю уж кто там у кого что ожесточил. Но когда я лягнула, что иду к звезде с мировым именем знакомому редактору Сергею Пашкову, он вцепился как клещ и терзал – напиши для журнала «Интеллигент» статью о нем!

И идти не хотела. И писать не хотела. И в приемной прождала 3 часа и разозлилась, что время теряю. Зубами скрипела так, что на Красной площади было слышно! Но увидела полотно. Размякла. Написала честно, как поняла, если полотна Никаса вообще можно понять. Отправила по электронке. Поклялась, что больше ни за что не пойду в океанный офис! Через три дня Никас сам позвонил в восторге. Материал произвел нормальное впечатление. Сказал, что не думал, что в России еще настоящие писатели остались, попросил разрешения использовать текст для готовящегося в печать нового фолианта, и что подарит мне за работу картину. Вот еще новости! Зачем мне картина Никаса? Я сама художник и места в моем доме после наступления Зеленой планеты ни сантиметра не осталось!

И тут снова мистика. Оказались мы с Сашей Бухаровым на Китайгороде, прямо в центре. По другим совершенно делам. Звонит на мобильный телефон его секретарь: «Тут Никас – говорит – для вас картину оставил». Хорошо. Это рядом. Пять минут. Зашли. Посмотрели. Книжки – не книжки. Полки какие-то кривые. Сюр шальной. В этот день как раз у зятя день рождения случился. Думаю, подарю ему. Но надо еще домой заехать. Бухаров помог дотащить тяжесть. Прикладываю картину к стене. И обомлела. Никас угадал, ни разу не бывая у меня – часть интерьера! И цвет книжной стенки. И даже верхнюю полочку, где книжки-малютки антикварные кривенькие и косянские вразброд лежат...

– Нет, Свет, – говорит Бухаров, – эту работу отдавать нельзя. Она волшебная!

Оставила.

А время идет. И поездка в Калькутту складывается. И осталась неделя до намеченного срока. А денег по-прежнему нет, как и не было. Уже и приглашение пришло. И турагент забронировал отели.

И остались мне одни лишь сутки, чтобы выбрать, у кого денег занять. Лето. Все в отпусках. Что делать? Тем временем знакомые мои и знакомые знакомых рассказывают друг другу о чуде, висящем на моей стене. И звонит мне любитель живописи из другого города: «Продай!»

– Да ты что с ума сошел? Не могу я тебе продать такую чудесную картинку. Она волшебная! И притом подарок!

Но прицепился он как клещ. Приехал сам. И в течение дня уговорил на обмен. Продать я, можно сказать, не продала. Но мне обеспечили перелет в Индию и Арабские эмираты, включая гостиницу, экскурсии и сувениры.

Сопrotивление было подавлено, и лишь в авиалайнере я поняла, что это не Вера, ни Бухаров, ни Никас и не «Интеллигент» и никто другой – это Индия зовет меня к себе и обеспечивает мое пребывание в Калькутте!

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Чтобы вам улыбнулись в Калькутте, и чтобы сердце ваше ответно просияло, надо знать волшебное слово «НамаскАР». Оно звучит еще и как «НамашкАР». Смотря какую национальность представляет индеец. На конце «ар» или «ра». Это бог. Это одно и тоже. Это все равно, что бытовое «ПриВЕД», испанский «СОЛют», или православное «ЗдРАВствуйте!», «Благословие вас Господь!»

Зная приветствие, вы можете далее просто улыбаться. И, глядя в глаза, поймете все на уровне подсознания.

Языки русский, бенгали, санскрит, индийский настолько сильно похожи, что иногда, идя по улице, я понимала целую фразу и оборачива-

лась, не веря собственным ушам. К примеру, я слышала что-то типа «...Она мне говорит...», а далее речь уже не понятна.

Если разбирать на слогги общие понятия, «ра» – все божественное, все что от неба, все мужское. «Ма» – все что от земли, двойственное, не менее священное, материнское. Сочетание рама, матеетвенно соитие неба и земли. «ХАри Кришна, хари Рама, рама, рама, рама...» Ма-та-ма – сношение. Сочетание. Математика и акт между мужчиной и женщиной практически означает одно и тоже.

Их «Джай» и наше «дай» – одно и тоже. Смотрите, как интересно – их Джайпур и Удайпур. И наш языческий Дажьбог.

Дешифруем. Ур – свет. Бог. Слова одинаковы по значению. Город Бога. Бог света.

Сами бенгалцы называют язык «бангала», а себя «бангали». А теперь вспоминайте киплинговское «бандерлоги».

Меня и Александра Васильевича звали «бабу». Уважаемый, уважаемая. Наши бабы до «окультуривания» России тоже имели достаточно уважаемый статус.

Их «бибахито» – женатый и соответственно «оббахито» – неженатый. Вспомните наше «обабилась», «абанник» и т.д.

Ударения у них плавающие и ставятся там, где вам нравятся.

Очень интересное слово «протхона», «протшоана», что означает «молитва». Есть в русском поговорка «Наш труд – наша молитва». И есть в «Велесовой книге» фраза «Рай – тот же труд, только без врагов и болезней». А теперь следите за мыслью, как интересно. Есть в украинском языке слово «працевать» – работать.

Интересно слово «дур» – далекий. И «одур» – соответственно, «недалекий». Возможно, где-то рядом расшифровка нашего слова «дурак», и только он способный идти туда, не зная куда и принести то, не зная что. И слово «одурманивание».

Теперь смотрите. Слово «проти» – наше «противоположный». Одинаковы по значению. Дальше еще интереснее. «Дин» – «день». «Протидин» – «каждый день», то есть день(дни) напротив дня.

«Нам» – «имя», заметьте, похоже на наше местоимение «нам».

«Сбаду» – «вкусный». Да это же наша «сдоба»!

«Снэшо» – нежность, любовь. Напрягайте мозги! Наша «сноха»!, любящая наших детей!

«Боль» – «сила», «говорить» «Шоболь» – «сильный». Наш соболь, который водится в тайге. «Болый» – говорливый. Наши поговорки: «Сила в правде!», «В начале было слово», «Слово и дело».

«Паджама» – брюки свободного покроя. В принципе у нас называется весь комплект «пижамай».

«Шеш» – «конец». Вспомните, наш «шиш». И «Шиш тебе!» – то есть «конец тебе» или «ничего тебе!» А так же удивленное «ничего себе!»

«Нотун» – «новый».

«Ма+баба» – «родители», дословно «мама и бабушка», «мама» и «бабу (уважаемый(ая))».

«Ма» – «мама».

«Баба» – «отец».

«Руш» – «русский».

«Кха» – «кушать». Наша «каша», соответственно их «еда».

Интересен их счет. «Еикам» – единица, «двэ» – два, «трини» – три, «чатвари» – четыре, «панча» – пять, «шат» – шесть, «сапта» – семь, «ашта» – восемь, «нава» – девять, «даша» – десять. В этом месте прошу учитывать, что наша «с» часто меняется на их «ш».

«Шалоуар» – шаровары.

«Шаль» – шарф.

«Чоти» – сандали, вспомните наши «чоботы».

«Баджар» – базар.

Посмотрите, как поэтично и понятно звучит фраза «С тобой целый день – Томар шатхе шара дин!»

«Мон» – душа. « Ум монэ» – « в душе».

«Джатайят» – «движение».

Очень интересно слова «Раста» – дорога и улица одновременно. Если учесть в начале «ра», то можно предположить, первые дороги и улицы сотворены богами.

«Диши» – «направление», наша «душа».

Занято слова на бенгали «писательница», звучит как «лексика», читается «лексика». «Писатель» звучит чуть хуже «Лекхок» или «лохок».)

«Гай» или «Гой» или «Гей» – наше «петь».

«Ой вы гой еси, добры молодцы!» Прямой перевод непонятных слов с санскрита – «Воспоем же о Боге, добры молодцы!» В документе «Протоколы сионских мудрецов», называя славян «гойями», скорее всего не знали прямого перевода «поющая нация». Да и, кстати, первое, что сделали христиане, вводя на Русь новую веру, они собирали волхвов, укладывали в середину гусли и жгли головами к костру. Чтобы народные предания не переходили с пением от поселения к поселению. «Гой» переводится с мусульманских языков, как «неверный», то есть противоречащий их обычаю петь, «поющий не так, как велит пророк».

«Гайок» и «Гайка» – певец и певица.

«Шикх», можно произносить и как «Сикх» – наш «учитель». Если учитывать, что учителя у них входят в высшую касту браминов, а иногда и махатм, к слову «сикх» добавляется на русском языке «священный сикх».

Интересны названия частей тела. «Нокх» – ноготь, «Гола» – «горло», «Мостишко» – «мозг», «фрокто» – «кровь».

Далее можно продолжать бесконечно!

Но вот, забыв ради, могу добавить к этому еще одну деталь. Понимание санскрита или бенгали приезжому в Индии вообще не обязательно. Достаточно знать английский. Почему? Да потому, что это многонациональная страна, напоминающая скорее Советский союз, где узбеки с латышами или там азербайджанцы с татарами общались, да что там таить, и о сих пор общаются исключительно на русском. Так и Индия соединена английским в любой ее точке. Все английское, иже и с ним американское, и вообще европейское в Индии не любят и уважают одновременно.

Русские в эту категорию не входят. К нам относятся с нескрываемым любопытством. А, если вы начинаете общаться, в особенности петь, то с проникновенной любовью.

ИССЛЕДОВАНИЯ ТАТИЩЕВА

Академик А. Н. Малюта заметил однажды, что в русской сказке, как и в преданиях «Авесты» заложены универсальные ключи для запуска гиперкомплексной системы спасения планеты.

Я бродила по улицам Калькутты и искала эти «ключи». Не подозревая, что некие силы просто показывают парадигму богов, и суть мироздания заключена во мне и в тебе и в Индии и в России, в языке, и в построении обществ. В лицах. Во взглядах. В улыбках. В клетках любого организма. В камнях. В памяти мозга. В памяти души. И мой приезд скорее напоминает «хадж»(хождение) за три моря к некой арийской Мекке с таинственным упавшим метеоритом, вокруг которого движутся день и ночь люди, «прося», «моля», а иногда и «требуя».

«Вспоминай! – говорила я себе, – Зачем ты на этой планете! Что надо тебе, Калькутта? Возьми! Я приехала, чтобы отдать!»

В русском центре служат педагогами многие годы исключительно брамины, входящие в высшую касту. Кроме нашего центра они преподают русский язык также в Университете Рабиндраната Тагора. Остальной обслуживающий персонал составляют по всей видимости кшатрии и шудры. Кшатрии на охране – шудры на уборке.

Очень интересно ведут они себя в общении. Низшие касты кланяются и даже не смеют взглянуть в глаза. Их называют еще «неприкасаемыми». Кшатрии более смелы. Брамины общаются на равных.

Мне представили в первый день четырех. Секретаря посольства, очень симпатичную девушку, которая не говорила по-русски, кроме нехитрых фраз. Я не запомнила, как ее зовут. Зато осталась в памяти веселый взгляд с огоньком и... зубы. Таких я не видела ни разу в жизни. Они покрыты небывало белой эмалью, какой никогда не бывает у русских. Они похожи не на слоновую кость и не на мрамор и даже не на антрацит, а скорее на белоснежный прозрачный нефрит, если таковой бывает. Я подошла несколько раз совсем близко. И пока девушка любовалась моими батиками и куклами, спрашивая: «О! Как вы это сделали?», я старалась ее «улыбнуть» и запомнить уникальный цвет зубов. В последующие дни я наблюдала у большинства прохожих такие зубы. Но каждый раз удивлялась как ребенок! И почему-то очень радовалась. Хотя, если рассудить, то какое мне было дело до зубов индийцев???

Мне представили также журналиста местной газеты, которая здесь в центре брала уроки русского. Девушка отличалась длинной и очень толстой косой. Она должна была написать заметку в местную культурную газету о событиях, связанных с моим приездом. Наше общение жестами называлось «интервью». И вот, если бы мне показали на улице слона, то я бы и с ним также поворачивала голову, как за ее косой! А еще нас обслуживал повар. Тоже индеец. Руки его тряслись после малярии. Он говорил по-русски весьма сдержанно, и напоминал скорее китайского разведчика, работающего на разведку Массادا.)

– Я не заражусь? – покосилась я на повара.

– Малярия не заразна. Передается только через кровь, – успокоил директор центра Мазирка.

Но на всякий случай я держалась подальше от столь подозрительного субъекта, который вызывал скорее улыбку сожаления, чем досаду. Еще мы общались с водителями. Толковыми и спокойными в условиях нервной гудящей дороги просто незаменимых своим «флегматизмом».

Русских, вышедших замуж за индийцев, на вечер встречи с «руш» «лексикой» пришло много. С детьми и «бабу». Принесли гитару.

И после просили спеть.

После первой же публичной встречи, а их проходило достаточно, мне погадали по руке, выяснили, что на ней отсутствует линия ума, есть только линия сердца, она же проложена прямо поперек волшебной линией Будды, объединяющей три линии разом. Там не пять линий, как у всех, и даже не три, а две, сложенные в

виде пирамиды. Обозначили: рожденной в высшей касте. И относились далее соответственно.

Директору центра было вообще не до меня. Он и так слишком много потратил времени. А Москва, не учитывая местные вредоносные для организма и психики условия, одно за другим присылала распоряжения, которые нужно было вот прямо вчера выполнить. Как будто в штате было еще с десяток полноценных русских мозгов, а не один единственный. Чисто из эгоистических соображений, мне естественно хотелось общаться с ним, нежели с кем-то, кто морщит мои извилины постоянным подбором доступных для понимания фраз. Но. Я очень благодарна судьбе, за дальнейшие события.

Далее я поступила в прямое распоряжение двух профессоров. Господина Гаутама Гоша. И госпожи Матхаби Бхатачарья.

Наши беседы носили не только характер повседневно-бытовой, но и касался гражданского мироустройства.

Тут мне, признаюсь честно, здорово помогла книга Бориса Татищева «Логика возрождения Великой Руси», в одной из глав дающая параллель между расстройством общества Индии и России.

Изложу кратко главную мысль наших разговоров.

Татишев разбирает три базовых архетипа цивилизационной модели. Азиатский. Англосаксонской и Славянской(арийской). Для первой характерен Тейповый долг преданности, ничего не имеющий общего со словом справедливость. Выгода с большой буквы – для второго. Для третьего – Справедливость разума.

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы разбираться в стратификациях общества. В любом государстве оно разделено на страты. Социализм не исключение. Каждая страта имеет вертикаль роста.

К примеру, Страта знаний: ученик – студент-аспирант-профессор-академик-ученый-философ. Страта Спорт: матч во дворе – в школе – на соревнованиях городских – чемпион мира- Олимпийский чемпион-тренер. Есть страта накопления, славы, т.т.д.

Кроме того.

Общества как наше, так и их от веку делилось на варны, или на касты. Это одно и тоже.

Начнем с низшей касты, чтобы далее было понятно. Четвертую варну составляют шудры. Разбиваем на слогги. Получаем «суд» «ра». Люди, не прошедшие суда бога попадают, испуская карму, в самую низшую из каст. Они – осужденные солнцем в прошлых жизнях. У некоторых американцев и европейцев есть болезнь – светобоязнь и аллергия на солнечные лучи. Как раз из этой области. Американскую нацию, если ее вообще можно называть нацией, составляют веси и шудры, съехавшие со всех стран. Но управляет ими англосаксонская команда, к варнам не имеющая никакого отношения.

Низшая каста шудры с легкостью преступает закон, способна нарушить «заповеди» – не убий, не обмани, не прелюбодействуй. Легко управляются. Живут по правилам низших инстинктов. Книга «КамаСутра» написана для удовлетворения потребностей шудр. Часть особенно вызывающих шудр была изгнана из Индии. Это цыгане.

Шудры правилом потребностей имеют две задачи – «хлеба и зрелищ». Мир видят фрагментарно. Самое опасное, что шудры, или по-славянски «быдло» упорно проникает в средства массовой информации и власть. Тогда на телевидении появляются передачи с околоринтусными инстинктами типа «Дом 2» и «Маски шоу», «Голье и смешные», смешные только для производителей, включающих гомерический подстрочный смех, указывающий, где собственно кшатриям и браминам надо смеяться, как если бы они были шудрами или вайшьями, на худой конец.

Третья варна – вайшьи, веси. Вайшьилиса – Василиса... Вспомните выражение «По городам и весям». Веси – это весы. Васьки. То есть купцы. Мелкое крестьянство, производящее для продажи или обмена продукт. Мелкое ремесленничество. Мелкие торговцы. Афанасий Никитин – представитель веси. Представитель более крупного производства или владения – Василий – царственный. Василиса – царевна(перевод буквальный).

Вторая варна – кшатрии. В буквальном переводе часть населения, строго выполняющая закон – не убий, не укради, не прелюбодействуй. Три Са(ша). Три Божьих заповеди. Законы в Индии были представлены Упани-Шадами.

На Руси, соблюдающих внутренние три закона называли Витязи. Женщин Ладами. В Англии Леди.

«Такие люди управленцы по самой природе, – пишет Татишев, – за счет системности и повышенного быстротворчества мысли. В их «универсуме мышления» отсутствует всегда тормозящая нисшие касты хаотичная калейдоскопичность мировосприятия, что помогает им мыслить самостоятельно, избегая стереотипов, штампов и предрассудков. Такие люди не временами, как веси, а постоянно, стабильно и устойчиво обладают разумом, радикально превосходящим рассудочное мышление людей третьей и четвертой варны...»

Продолжение в след. номере.